

МИРЫ А. ВАЛЕНТИНОВА

АНДРЕЙ
ВАЛЕНТИНОВ

АНГЕЛ
СПАРТАКА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФЭНТЕЗИ

ЭКОНОМ

Андрей Валентинов

Ангел Спартака

Серия «Спартак», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138850
Ангел Спартака: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-21683-3

Аннотация

Беглая рабыня в заброшенном храме вершит забытый обряд вызова. Явившийся на зов Учитель, Первенец, темный и неукротимый дух, поведет свою «обезьянку» в дальний и кровавый путь. Личная разведчица Спартака, возлюбленная Юлия Цезаря, жрица-убийца таинственного Подземного Отца, собеседница ангелов, завсегдатай «загробного Дахау», она доживет до дня великой битвы – когда над Вифлеемом загорится звезда новой эпохи.

Новый роман Андрея Валентинова, признанного мастера криптоистории, в яркой художественной форме продолжает тему, начатую писателем в романе «Спартак».

Содержание

Звезда возшла. Битва началась	6
Книга первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Андрей Валентинов

Ангел Спартака

*Я видел Сатану, спавшего с неба, как молния.
Се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов
и на всю силу вражью, и ничто не повредит вам;
однако ж тому не радуйтесь...*

От Луки святое благовествование.

Глава 10, стихи 18–20.

Звезда вошла. Битва началась

Антифония – переключка голосов. Перебивают друг друга, догоняют, дополняют, поправляют.

Антифон – голос в ответ. Слово звучит странно, редкое оно, почти нигде не встретишь. Учитель посмеется, если услышит, – сам нарочно коверкает речь, а меня обожает поправлять. Но пусть будет Антифон – голос меня-иной, сегодняшней. Прежней не рассказать самой, без моей помощи, ту давнюю историю.

Я вспомнила обо всем этом – и об истории, и о себе-прежней, – потому что скоро вновь увижу Учителя. Потому что прошлой ночью вошла Звезда.

Звезда вошла, битва началась.

Мы расстались с Учителем много лет назад, я тогда попыталась попрощаться. Жизнь коротка, мы могли бы и не встретиться. Расчувствовалась!

«Я не позволю сбежать Моей обезьянке!»

Не «умереть», не «погибнуть» – «сбежать». Учитель всегда точно подбирает слова.

Поэтому я и решилась вспомнить – все, подробно, звук за звуком, шаг за шагом. Вспомнить и передумать заново, ведь ошибиться, имея дело с Учителем, – немногим лучше, чем попасться в лапы трем лохматым скотам на лесной дороге неподалеку от славного города Капуи.

Не лучше – пожалуй, даже хуже. Безнадежнее. Но это уже Антифон, голос меня-сегодняшней. Тогда же, в далекий вечер месяца богини Майи, в небывало жаркий предзакатный час...

Книга первая

– Беглая? Чего молчишь, язык глотаешь?

Хохочут. А я молчу.

Не убежать. Один спереди, сзади второй, у обоих – дубины. И еще третий, с кинжалом. На рожи лучше не смотреть.

– Проще всего здесь огулять – и прирезать. Беглая она, искать станут. Заорет на рынке, разбирайся со стражей потом.

– Языкотрежем, он ей все равно без надобности. А продадим киликийцам, в первый раз, что ли?

За все надо платить, дороже всего – за глупость. Сунулась в лесок, не осмотревшись. Да еще ближе к ночи, да еще...

Но и выбирать не с чего было – на постоялом дворе ко мне уже присматривались. Хозяин мальчонку кликнул, послал его куда-то. Может, и не за стражей, только ждать было не с руки.

– Ладно, чего стоишь? Ложись! Поерзаем!..

– Только пусть одежду сымет. Еще запачкает...

Не убежать, не выйдет. А что выйдет? Можно молчать – и еще глаза закрыть. Закрывать, терпеть. Говорят, учат такому мудрецы. Терпи, все терпи, чего с тобой ни делают. Мудрей! Потому как в том Судьба твоя, а Судьбу возлюбить следует.

– Сымай, сымай! Да не бросай на землю, сюда давай!..

Можно и по-иному.

Антифон

Закон жизни: ты слабее, значит, тебе бежать. Тебе бежать – им ловить. Хватать, грабить, насиловать, продавать за море с отрезанным языком. Только всегда и везде сильным быть невозможно – как и слабым. Надо лишь не пропустить грань, за которой чужой силе приходит конец.

Так объяснял Учитель – много позже, но я и сама догадывалась. Грань чужой силы и своей слабости.

Грань.

* * *

Главное – не спешить, делать все медленно, не торопясь. Передать гиматий первому, с рыжей бородищей, снять браслеты, один можно даже уронить... поднять.

Если ударит – ничего. Не убьет и не искалечит. Выживу!

Туника... Скот еще и жаден, ткань щупает! Остальные... Один отвернулся, в котомке моей роется (по котомке и узнали, сволочи, для беглых она – вроде диплома). Чернобородый, что с кинжалом, рядом – на травке поудобнее пристраивается, любопытничает, видать. Дубину свою в сторону отложил.

Уже лучше.

В последний миг – еще раз все взвесить. Не убьют, но будут насиловать несколько дней, пока к морю доставят. И с языком не шутили, видела такое. В их ремесле лучше не рисковать, вдруг я хозяина своего привселюдно на помощь звать стану (чтобы сразу на крест, не мучаясь)? Потом перебросят через борт, как тук с сырой шерстью, – и ложись под вонючих киликийцев, тешь каждую ночь дюжину скотов до самого Делоса. А там продадут. Без языка – значит, меньше вырчат. Но ненамного.

...Все-таки ударил, мерзавец! Не терпится ему, торопится, причмокивает даже. Плащ косматый сбросил, сейчас тунику снимать станет.

Грань чужой силы – и своей слабости.

– Ложись, чего ждешь? Ноги раздвигай – и повыше!

Не спешить, не спешить! Пусть созреют, пойдут бульбочками. У рыжего уже слюни его поганые текут, чернобородый радость свою выставил – чешет, подбадривает-поглаживает...

– погоди, мы ее лучше двойной тягой, ты сзади, я спереди. Пусть на четыре кости станет. Эй, ты, слышишь?

Слышу.словно колокольчик в храме Юноны Фульгуры. Дзинь!..

Улыбнулась.

Поднесла руку к прическе – там, где заколка. Какая девушка не распустит волосы перед любимым? Тем более когда их, любимых, трое.

Особенно таких.

Успела взглянуть на того, который с котомкой. Деньги пересчитывает, на меня не смотрит. Считай, не сбейся!

– Ишь, подстилка, улыбается...

Улыбаюсь!

Грань!

Боялась не первого, не второго даже – третьего. Второго, конечно, тоже. Вдруг сообразит, вдруг в сторону отскочит?

Не сообразил. И отскочить не успел.

Заколку (специально выбирала еще год назад – чтоб по руке!) забирать не стала, там и оставила – в причинном месте этого второго. Пусть сам и вынимает, и так на рыжебородого лишний миг потратила. Очень уж хотелось еще разок уколоть – побаловать. И его, и себя.

Третий сплоховал – монеты в кошель складывать принялся, совсем одурел, видать. Бережливый попался, хозяйственный! За кинжал схватился, когда я уже дубину к его голове подносила. Еще подумалось, что глупо будет, если от первого удара разлетится. Не голова, понятно, – дубина.

* * *

Казалось, что убивать труднее. Не очень трудно, как выяснилось. Только с рыжим повозиться пришлось – все умирать не хотел, хрипел, кровью плевался. Дубину о череп размочалила, пришлось у его дружка кинжал позаимствовать.

Хорошо, что тунику с гиматием заранее сняла. Кровь отстирывать не пришлось. И так вся – по уши.

Так кто кого огулял, ублюдки?

Антифон

Почему мне кажется, что история моя началась именно тогда? Именно тогда, именно так? «Началась – для тебя», – уточнил бы Учитель. Да, для меня – но именно так. Не месяцем раньше в Аквилее, не несколькими часами позже в старом храмике на опушке? Может, потому, что именно тогда, на окровавленной поляне, я принесла первую жертву Ему? Настоящую? Позже, у алтаря, когда я полоснула кинжалом-трофеем по запястью, капли крови показались чем-то смешным, несерьезным.

«Мистика-рустика», – говорит в таких случаях Учитель. И смеется.

* * *

– Чего тебе нужно, обезьянка?

Кажется, удивился, изумился даже. Настолько, что на миг забылось, и где я, и что делаю, и почему кровь на алтаре – зеленая кровь. И почему ее, кровь, вообще вижу? Ночь, во-круг тьма хоть глаз выколи, плоску глиняную я сразу по-

тушила, как и положено. Но вместо тьмы – огонь, неяркий, светло-зеленый, словно молодая трава. Словно моя кровь на старом алтаре.

– Я... Я не обезьянка! Я... Заклинаю Тебя Именем Твоим, которое есть...

Пропала! Камень под ногами разверзнется – или сама в камень превращусь, словно Ниоба-гречанка. Стоит мне хоть на букву в Имени, «которое есть», ошибиться, ничто не спасет. И так сглупила, спорить принялась вместо того, чтобы сразу...

– Не совсем точно, – покачал Он головой, дослушав «которое есть». – Там фрикативный звук, как раз в середине. Надо же, такая древность – и помнят!

Не разверзся камень под ногами. Значит, права была бабушка, Элизиум тени ее!

– Этим Именем я... вы... вызвала Тебя!..

– Меня?! Вызвала? Ты?!

Вот тут-то Он и рассмеялся – впервые. Рассмеялся, руку мне на плечо положил.

– Мистика-рустика!..

Затем смеяться бросил, поглядел в глаза.

Антифон

Лишь недавно подумала, какой в тот миг Он меня увидел. Семнадцатилетняя девчонка – босая, в гиматии мятом,

с пятном под глазом (сильно ударил мерзавец рыжий, не пожалел!). Да еще кровь на руках и на шее – мылась, не отмылась. А уж что в глазах было, о чем думалось тогда, и вспоминать не хочется.

Сама бы я от себя, наверное, за тысячу миль бежала. А еще вернее – прирезала. Спокойнее будет!

* * *

– Понимаешь, обезьянка... Никто – никто из людей и «местных» вызвать Меня не может. Даже позвать не может. Ты просто... Как бы пояснить, чтоб поняла... Ты поверила своей бабке, заучила непонятное слово, провела этот смешной обряд – и... Скажем, зажгла маяк. На море бывала, бесхвостая?

Про бабушку я Ему ничего не рассказывала, не успела. Тогда даже не удивилась, не до того было, а после все выспрашивала, как можно мысли читать научиться. Он головой качал, улыбался: «Мысли? Это у обезьян-то?»

Но кое-чему научил.

– Попасть к вам просто, но точное место угадать трудно. Представь, ты летишь в космосе, вокруг – миллиарды звезд, а тебе нужно только к одной.

– Лечу... Где лечу? – не выдержала я.

Вздохнул, поглядел странно.

...Потемнело. Кровь на алтаре уже не зеленая – обычная.

– Хорошо, ты плывешь по морю, вокруг туман...

– Про маяк – ясно, – вновь не сдержалась я, даже позабыв, где я и с кем. – Бабушка рассказывала. Такие храмы – их чаще всего Неизвестному Богу посвящают – во многих землях есть. А для того и святилища строят, чтобы через них боги в мир приходили. Потому и огонь поддерживают, и жертвы приносят. А Неизвестным Тебя назвали, потому как Имя...

– Угу.

Дернул плечами (только сейчас заметила – широкие у Него плечи, а сам худой очень, костистый).

– Это хорошо, что тебе все понятно. В таком случае можешь сочинить еще одну байку про богов и рассказывать ее своей стае до седых волос. А вот с заклятием не вышло, так что внеси поправку в ваши мифы. Мне пора.

– погоди! Учитель, погоди!..

– Как ты сказала?

Почему я в тот миг назвала Его Учителем? Именно так – не демоном, не богом, не позвала по Имени, наконец? Заучивала я это Имя месяц целый и все боялась, что не успею, помрет бабушка.

– Тебе понадобится помощник, Учитель. И не один. И помощница Тебе пригодится. Без людей Ты не сможешь...

Что именно «не сможешь», не договорила, да и не знала я про это. Так и сказала – «не сможешь».

Услышал. Медленно-медленно повернулся.

Замер.

– А почему ты вообразила... решила, что «не сможешь»? Решила, будто Я чего-то не могу? Без кого? Без вас? Без злых бесхвостых, возомнивших о себе обезьян?

Никогда позже я не слышала от Него такого голоса. А еще заметила – лицо почернело. Даже не почернело – потемнело, словно весь свет вокруг испарился.

Только вот терять мне было нечего. Совсем.

– Тебе понадобился наш маяк, наша речь и наш облик. Ты не стал присылать Своих слуг – пришел Сам. Воли Твоей мало – как мало одной мысли!..

– Угу.

Внезапно лик Его осветился. Лишь после сообразила – Луна. Тучи, кажется, разошлись.

– Я расскажу тебе притчу.

Антифон

Учитель часто повторял: «Люблю говорить притчами». И при этом смеялся – очень зло. Однажды решила, спросила. «И без притчи не говорил им!» – ответил, словно ударил.

* * *

– А притча, Моя обезьянка, такая... У некоторого человека было два сына; и сказал младший из них отцу: отче!

дай мне следующую мне часть имения. И отец разделил им имение...

Я даже не сразу поняла – отчего это притча. Ну бывало – у нас, у осков, старшему сыну обычно надел выделяли. И среднему выделяли, с отцом лишь младший оставался.

– По прошествии немногих дней младший сын, собрав все, пошел в дальнюю сторону и там расточил имение свое, живя распутно. Когда же он прожил все, настал великий голод в той стране, и он начал нуждаться. Придя же в себя, сказал: сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода; встану, пойду к отцу моему.

И снова совсем другим голос Его стал. Хотя и только что познакомились, а поняла – иным. Будто бы Ему... Не больно, не обидно даже, а словно бы все вместе. И еще не по себе очень – словно над костром погребальным говорит.

– Встал и пошел к отцу своему. И, когда он был еще далеко, увидел его отец и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его. Сын же сказал ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим. А отец сказал рабам своим: принесите лучшую одежду и оденьте его и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; и приведите откормленного тельца, и заколите; станем есть и веселиться!..

И еще одно понятие успела – взял Он меня в ученицы.

– Старший же сын его был на поле; и, возвращаясь, когда приблизился к дому, услышал пение и ликование; и, призвав

одного из слуг, спросил: что это такое? Он сказал ему: брат твой пришел, и отец твой заколол откормленного теленка, потому что принял его здоровым. Он осердился и не хотел войти. Отец же его, выйдя, звал его. Но он сказал в ответ отцу: вот, я столько лет служу тебе и никогда не преступал приказания твоего, но ты никогда не дал мне и козленка, чтобы мне повеселиться с друзьями моими; а когда этот сын твой, расточивший имение свое с блудницами, пришел, ты заколол для него откормленного теленка. Он же сказал ему: сын мой! ты всегда со мною, и все мое твое, а о том надобно было радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил, пропадал и нашелся.

Замолчал, прошелся не спеша к входу.

Остановился.

– И что поняла ты, Папия Муцила?

Не обезьянка уже, даже именем не побрезговал. А я-то думала, что его, имя мое настоящее, только одна я на земле знаю – с тех пор, как семьи моей не стало.

– Поняла, Учитель. Ты был Старшим Сыном.

Антифон

А это я вижу со стороны – именно вижу, словно показал кто-то. У старой каменной стены двое – высокий и маленькая. В голосе высокого – насмешка, чуть заметная, дальняя.

– Догадалась о маяке, обезьянка? Догадайся и сейчас.

Под ладонью – неровный пыльный камень. Теплый, очень теплый...

– Обезьянка догадалась, Учитель. Морякам нужен запас муки. И зернотерка, и вяленое мясо...

– Не ужинала? – насмешка слышнее, заметнее. – А еще требуется оружие, деньги... Стену сама разберешь?

– Сама! – В голосе маленькой – вызов, хотя она еле стоит на ногах, а камни огромные, неподъемные. – Откуда начать?

– Не надо.

Камни исчезли. Из глубокой ниши – розовый свет.

Маленькая слишком устала, чтобы удивиться.

Высокий, не глядя, протягивает руку. На широкой ладони – горящая лампа. Не стекло – что-то твердое, почти непрозрачное. Свет теплый, ровный.

– Лампа? – наконец-то она изумилась. – А почему горит? И зачем?

В ответ – злой смех. Маленькой на миг становится страшно.

– Никто не оставляет горящий светильник под спудом, да? А этот ставят, моя обезьянка! Те, кому он светит, тоже заперты. К счастью для вас!

Розовый свет внезапно густеет, собирается шаром, поднимается, висит над его ладонью. Глухой стук упавшего светильника – уже пустого, мертвого. Огонь касается ладони, растекается, всасываясь в кожу.

Гаснет.

Маленькая невольно подается вперед, поднимает руку...

– Не вздумай! – Теперь в Его голосе нет злости. – Хочешь покидать гробницу каждую ночь? Бродить среди могил, возвращаться – и так век за веком, без надежды на покой? Бесмертным жить скучно, не-мертвым, поверь, еще скучнее! Не так давно таким забавлялись цари Египта. Не завидую! Ни царям – ни их подданным.

Огня больше нет. Темно.

Учитель как-то сказал: «Если свет, который в тебе, – тьма, то какова же тьма?» Просто так сказал – ни к чему.

* * *

В свитках греческих – не в тех, что про философию, а в тех, что про любовь (редко я их разворачивала, скучно очень), – то и дело прочитать можно: пришла она в себя, мол, только на постоялом дворе. После очередной пакости, понятно. Пакости избежала – и в себя пришла. Отдышалась.

Про свитки – уже потом подумать пришлось, вначале в себя бы прийти. Кровь утром я все-таки отмыла, с песком возле ручейка отскребла. И даже белилами лицо изобразила, нашлась, хвала Юноне Заступнице, нужная баночка в моей котомке, не потерялась. Именно что изобразила – дабы синяком народ всеконечно не страшить. Мне бы зеркало серебряное сирийское да ларец милетский с протираниями, какой у моей хозяйки старой был!

Но – изобразила, потому как жить дальше надо. Отдыхаться. Только не героиня я из свитка греческого, на постоялом дворе много кто к беглой присматриваться станет. Одна да с котомкой, гиматий мятый, из котомки кинжал, в тряпку кое-как замотанный, выглядывает, приветы всем передает... А главное – глаза. Есть такие людишки внимательные, присматриваются, а взгляд-то белилами не замажешь.

Присела я у самой Аппиевой дороги на камешек, прямо возле столба милевого (пустая дорога еще, утро совсем), – да и стала про город Рюпес думать.

Обо всем прочем не думалось, не время. Вот посплю, поем, снова посплю, тогда уж. И хорошо бы не в гостинице грязной, где хозяин так и норовит за стражей побежать, – а в этом самом Рюпесе.

Байка старая, еще в детстве слыхала. Мы – те, что в Италии проживаем, – не слишком друг друга жалуем, потому и Волчицу из ее логова на Тибре на волю выпустили. Этруски самнитов не любят, те – кампанцев, все вместе с аврунками ссорятся. А мы, оски, с луканами и с теми же самнитами вражду долгую вели.

Теперь уж не поведешь вражду эту! И у тех, и у других – ни земли, ни городов. Да и людей – остаток невеликий. А все Волчица, Плутон ее!..

Вот и рассказывают оски про самнитов. Глупые, мол, соседи наши, тупые да упорные. Главное же, темные, про мир, что вокруг лежит, ничего не ведают и ведать не хотят. Пу-

ще же всего – в Рюпесе. В Апеннинах городишко этот, где горы уже расти начинают, к северу. Он, собственно, Рупес – Скалистый, но соседи Рюпесом прозвали. Грубияном то есть. Как раз про народ тамошний.

Городок – три дома, дорог нет, тропа одна, козы, овцы, собаки – и самниты. И все в шерсти. Про соседний город еще слышали, а вот что дальше – тьма. И вообще, Земля наша из трех гор состоит да из одной реки, река же по ущелью течет, вокруг города обегает, а потом снова в ущелье – течь.

Много позже я эту байку Учителю поведала. А Он поглядел странно да и говорит: «А что, совсем неглупо! По крайней мере без эпициклов».

И вот достала этот Грубиян Скалистый война – та, что с пунами. Расколошматил как-то Ганнибал (вот парень был!) в очередной раз какого-то консула. Консул в горы рванул – тело консульское свое спасать. Пробрался с ликторами своими по тропе, вышел к первому дому – и с опаской так: «Ганнибал здесь?» А ему: «Какой такой Ганибул? Сроду не слышали!» Консул, понятно, не верит: двадцать лет война идет, по всей Италии нашей катится. «Не слышали! – твердят и глазами лупают. – У нас сроду никто не бывает!» – «А как же Рим?» – «А какой Рим?»

Другие, правда, иначе рассказывают. Будто в Рупес-Рюпес сам Ганнибал пожаловал. Но с тем же результатом. Он провизии прикупить хотел, а местные руками разводят: «Деньги? Какие деньги?»

Вот тогда по всей Италии и стали говорить: «Хочу в Рюпес!» А еще рассказывают, что в городишко этот целая толпа дезертиров сбежалась. И от пунов, и от римлян. Кому такой жизнью пожить не хочется, хотя бы месяц всего?

Вот бы и мне – к грубиянам. Шерстью обрасти.

Додумала я до конца да и слышу: звенит. Не близко, но и не далеко уже. Ясное дело – колокольчики. А поскольку я на дороге, то, скорее всего, не стадо, повозка. Или даже повозки.

Антифон

Не была я тогда такой смелой, чтобы просто так при ясном солнце на камешке сидеть. Понимала – всюду ищут. И на постоялом дворе, и в лесу – дружки тех, троих. Это только кажется, будто беглому спрятаться легко. Особенно если кровь на тебе, а приметы с табличками восковыми по всем дорогам разосланы.

Смелой не была, но только Он сказал: «Не узнают. И не найдут, если осторожна будешь. Два дня тебе, чтобы уйти, Папия Муцила. Это Мой подарок – первый. И последний».

Поверила. Верить нечему больше было.

Сейчас думаю – ничем тогда не помог Учитель, никаких чудес не творил, просто смелости решил придать, страх увести. А дальше – как со щенком, которого в воду кидают. Плыви, если сможешь!

Спросила Его в последнюю нашу встречу. А Он мне: «Главное – не утонула!»

* * *

Неправда, что города брать трудно. Брать-то просто, вот уходить из них – иное дело. А как город не захватить, если тепло, облачка легкие на небе, ветерок с гор – и ворота настежь?

Так что Капую без боя взяла.

В одном свитке (на этот раз не про любовь, а про философию) прочитала как-то, будто вопрос серьезный есть, покоя людям ученым не дает. Что, мол, миром правит – Удача или Доблесть? По-понятному если: ты везешь или тебе везет? А еще точнее, тебя везут – Боги, скажем Судьба. В жизни, конечно, и так, и этак выходит, но порой и в самом деле интересно. Что главнее?

Конечно, повезло тем утром, когда я на камешке сидела. Выхала ко мне Удача на дюжине повозок, мулами запряженных. Вот эти колокольчики я и слыхала. Не стражники, не ловцы рабов, не местные даже – из самого Рима, чтоб он в Тартар провалился!

Из Рима – и в Капую. Не в сам город, чуть дальше, где у какого-то всадника вилла имеется. Самого всадника в повозках нет (и тут повезло!), зато управляющий на месте. Не вилик – городской, из того же Рима. Везут на виллу добро

хозяйское, потому как всадник с матроной своей скоро пожелуют. Спешат, забот много, до встречных дела нет, если не разбойники, конечно.

Но это Удача. Только и не без Доблести!..

Доблести, конечно, я не проявила, обошлась. Но и не сгинула. Велела прямо к управляющему подвести. Голос подтверже, взгляд серьезнее... Мол, здоровья господину всяческого желаю (понятно, «господину», не иначе, такие величание любят). А не видел ли господин на дороге носилки госпожи моей сиятельной Фабии Фистулы? Навстречу меня послали, да вот, видать, разминулись слегка. А мне в Капую надо вместе с госпожой моей – да чтобы побыстрее.

На таком и погореть можно, но я просто рассудила. Что разминулась с госпожой, не поверят, а вот что бойкая рабыня с дружком замиловалась да от обоза отстала, точно решат. Отстала – и теперь трепки ждет. Так почему бы не подкинуть, особенно если не за так?

Еще одна хитрость, для беглых весьма полезная. Тяжелая была у меня котомка, поднять трудно. И того, что я месяц назад к рукам прибрала, хватало, и что этой ночью досталось. Опасно – заметить могут. Но еще опаснее сразу золото предлагать. Жадность и Трусость тоже миром правят – вместе с Удачей и Доблестью. Только Трусость почти всегда Жадности сильнее. Девчонка на пустой дороге золото предлагает? Нет уж, не надо нам такого золота!

За серебро сторговались. Дорого взял, а не голодает! Не

иначе и себе виллу прикупить решил, господин управляющий. Сначала виллу, потом рабов.

Такие, между прочим, самые сволочи и есть!

* * *

В город так с обозом и пожаловала – от беды подальше. А вот за воротами, как стражники в нашу сторону смотреть перестали, с повозки и соскользнула. Тому парню, что над мулами старшим был, не до меня стало. Капуя – почти как Рим (ну не почти, но вполовину), на улицах народу полно, главное же, повозкам только до рынка ехать можно. Пропустит возчик нужный поворот – и к страже городской в объятия. Нарушил, мол, ты, друг дорогой, эдикт такой-то от консульства таких-то...

Парень, что над мулами отец-начальник, не лучше управляющего оказался. Серебра ему не досталось, так он решил проверить, не жмет ли мне туника на груди. А если жмет, то не полегчить бы.

Противно! Не на ту, понятно, напал и наглеть опасался – народ вокруг. Да и про Капую рассказал немало полезного: какие улицы, что за гостиницы. Я-то в городе бывала, но давно, девчонкой совсем.

И все равно противно!

А уже у самой Капуи поняла – нутром почуяла – выдаст! Не получил, чего хотел, озлился. И на котомку мою все ко-

сил, локтем пихал. Повезло – в воротах стражу не позвал, не до того ему было. А может, и о котомке вспомнил, денег-то ему не достанется, стражники отберут.

И не римлянин – раб.

Те трое в лесу – тоже наверняка из рабов, причем из беглых. Встретили сестричку!

Антифон

Много лет понять не могла.

Вначале считала – само рабство во всем виновато, будь оно проклято вовеки! Хозяин звереет – но и раб звереет, непонятно, кто хуже.

Наши в Италии часто рассуждали, почему на земле рабство есть. Кто попроще, на Рим кивал, все беды, мол, от Волчицы. Римляне, людоеды, рабство и придумали. Поумнее кто, Крикс, скажем, помнили, конечно, что рабы до римлян в Италии были. Но тоже Волчицу винили. И рабов стало больше, и хозяева злее. Крикс все Законы XII Таблиц помнил.

Я не спорила. И Криксу верила, и римлян больно уж не любила.

А потом иначе думать стала. Повидала я те края, где рабства нет, – и вопросом задалась. Почему так? Да потому что отменили рабство! Или не допускают, такое тоже случается.

Значит?

Значит, между зверем-хозяином и рабом-зверем становится еще один зверь – или сенат, или совет старейшин. И не сам, со стражей, с войском. Иначе нельзя – против зверей нужен тоже зверь. Пострашнее только. Выходит, все тот же Закон жизни: ты слабее, значит, тебе бежать. Тебе бежать – им ловить. Ловить, грабить, насиловать, продавать за море...

Учитель рассказывал, как в далекой стране за морем решили рабство отменить. Только без войны не вышло. И положили там на погребальные костры ради всеобщей свободы чуть ли не миллион. Куда там Ганнибалу!

– Выходит, люди – просто звери? – спросила я.

– Если бы просто звери, Папия Муцила! Если бы!..

Странно, в тот миг показалось, что Учитель жалеет нас, злых бесхвостых обезьян. Зря показалось, конечно.

– Мой брат... Пытается вас изменить, сделать лучшими...

Страшно было слышать Его голос.

* * *

Где надо прятать лист? В куче листьев.

Это мудрость такая. Встречаются иногда мудрецы: тога лучшей шерсти, на щеках пухлых румяна, остатки волос от протираний блестят. Соберет этакий вокруг себя толпу – и вещает. А прочие кивают, понять пытаются. Не поймут – и потом всю жизнь меж собой о великой мудрости толкуют.

Вот вам и мудрость очередная. Красиво звучит, конечно,

но в жизни все не так просто. Где, скажем, прятаться беглой? Не в толпе беглых же! Так что мудреца в протираниях поправить следует. Не в куче листьев лист прятаться должен, а на дереве, и местным, своим притвориться. Только бы дерево нужное отыскать да чтобы пустили.

Но это мудрость. А вот слон оказался красным.

Вначале глазам не поверила. Красный! Но рядом надпись, чтобы все убедились: «Красный слон».

Пять ступенек; от прилавка, что прямо на мостовую выходит, свежими лепешками пахнет, у дверей – цепь собачья без собаки. Гостиница «Красный слон» в лучшем виде. Для непонятливых – пояснение латинскими буквами, но справа налево, по-местному: восстановил заведение Ситтий, зал обеденный с четырьмя ложами, шестнадцать комнат, свежий хлеб, лучшее вино.

Потом уже рассказали про слона: маляр-пьяница краски перепутал. А хозяину жаль оказалось на новую вывеску медяки тратить.

Налево посмотрела, направо...

– Иди, девочка, отсюда! От своих «волчиц» не протолкнуться. А хочешь работать – десять ассов в день мне.

Не хозяин, не привратник даже – продавец-лепешечник. Видать, именно он тут девочками командует.

Отвечать не стала – ошиблась потому что. Не во всем, но в главном. Капуя – город немаленький, затеряться легко, здесь же, в «Красном слоне», – настоящий муравейник. Гостиница

не просто в доме, а на Острове. Такое в Риме давно строят, а вот в Капуе этот Остров первый. И последний пока.

Остров Гнея Лентула Батиата.

Когда я в Риме в первый раз на таком Острове жила, все думала, на что он похож. Не внешне, тут понятно: огромный домина, испугаться можно. А вот по сути? Городской дом для себя же и закладывают, гостиницу – для приезжих. А этот? Сообразила! Остров – вроде дерева с лишайником.

Строит себе какой-нибудь Батиат городской дом. Богатый, со всеми там атриумами и бюстами предков. Но содержать такой дом накладно, вот и пристраивается рядом, скажем, гостиница. Земля дорогая, значит, не два этажа, а четыре. Ничего, что лестницы наружные и вода во дворе. Переберут! А чуть погода к гостинице лупанарий-«волчатник» прилепляется, куда девочки-«волчицы» добычу заманивают.

Так и растет лишай, слой за слоем. Этот побольше римских оказался. Дом самого Батиата двухэтажный, а самый новый, что квадратом Остров замыкает, – в шесть этажей. Знай наших!

Две гостиницы, два доходных дома для тех, кто победнее, три таберны. Город целый. И место удобное – совсем рядом с Дорогой Сципиона, главной улицей, а там уже и форум близко.

Вот и думала я в гостинице комнатку снять, в таберне здешней обедать, не спеша город обходить. Не вышло! Конечно, можно лепешечника к воронам послать, о комнате до-

говориться...

Ошиблась! Капуя – не Рим. Это в Риме девушка может войти в гостиницу (не в каждую, конечно), заплатить – и жить себе вволю. У нас, на юге, иначе. Если одна – без слуг, без мужа, значит, «волчица». Или еще хуже, опаснее – беглая, как я. А страже только свистни, вот она, уже поглядывает!

Но и покидать Остров не хочется. Значит, как на играх Мегалитийских: первая попытка не вышла, вторую начинаем.

* * *

На этот раз не слон, просто надпись. Не по-местному, латинскими слева направо:

«Гость, говорит ФОРТУНАТ, хочешь пить – черпай из кратера.

Будешь буянить, велю в бочку с водой опустить!»

Все разом: и чего здесь дают, и кто хозяин, и про обычаи. А что удивительного, если совсем рядом – гладиаторская школа все того же Батиата? Он ко всему, оказывается, еще и ланиста, всей школы хозяин. И народец здесь соответствующий: у крыльца сразу пятеро толпятся – босые, бородатые, в старых туниках. Тог с каймой таким, понятно, не

положено, плащи же свои не иначе у кратера оставили.

Смотрят – и я смотрю.

Обычай известный. Отвернусь, пройду мимо, и они отвернутся, поскольку днем – и не разбойники. А вот если еще чуток постою...

– Тут, девочка, наши «волчицы» охотятся. Так что проваливай, красивая!

Самый крепкий. Без бороды, небритый, лет сорок, под туникой мышцы бугрятся, шрамы на руках.

Кинжал у пояса.

И одноглазый. Без повязки, страшновато смотреть, но смотрю. И он смотрит. Думает.

– Если хочешь, восемь ассов дам. По дружбе. А потом – исчезай!

Вот так! Девочка за восемь ассов, есть чем гордиться.

– Неужели только восемь, Геркулес? Асс у тебя – асса ты стоишь!

– Не Геркулес, – смеется. – Аякс! Меня тут все знают. Больше дал бы, так за поясом пусто. Ничего, повеселимся, я маленьких да притких люблю.

На миг даже растерялась. Маленькая да приткая – и все? Но тут Учителя вспомнила – как Он на меня смотрел тогда, в первый раз. Прикрыла веки, представила себе Его взгляд, словно лунный свет зрачками поймала, подождала немного.

Открыла глаза.

– А ты сколько стоишь, Аякс?

Антифон

Напрасно я – та, что из Прошлого, – расхвасталась. Ничего особого не придумалось, да и сразу догадаться следовало. К первой вечерней страже¹ я уже жила в «Красном слоне» – в лучшей комнате на втором этаже, потому как моей хозяйке, все той же сиятельной Фабии Фистуле, именно такая и требовалась. А что хозяйке следовало когда-нибудь и пожаловать, волновало меня не слишком. Пожалует сиятельная – в свой черед.

Переодеться, конечно, пришлось, сережки да кольца из котомки достать, над лицом поколдовать слегка. Служанка сиятельной все-таки! Аякс же трех друзей пригласил, бывших гладиаторов школы Батиата, как и он сам.

Лепешечника, что меня прогонял, на ночь на цепь у входа посадили, дабы постояльцев с тугим кошельком не отпугивал. А перед этим ему Аякс улыбнулся.

Вот и все хитрости. Нечем хвалиться.

Аякса похоронили три года назад. У его погребальных носилок я в последний раз плакала. Перед смертью он сказал: «Знаешь, в жизни всего двоих и боялся. Нашего ланисту да

---

¹ Римское исчисление времени сильно отличалось от нынешнего. Понятие «час» существовало только для светлого времени суток, длительность же часа была различной в зависимости от времени года. Ночь делилась на четыре «стражи» (вегии), приблизительно по три часа каждая.

тебя!»

* * *

К этому парню я и не подсаживалась, если бы гостинщик Ситтий, что заведение в порядок привел, удосужился соорудить в зале обеденной не четыре ложа, а, скажем, пять. И так, впрочем, тесновато, пройти почти что негде. Зато чисто, только потолок немного закоптился. Светло, масла для светильников не жалеют, от кухни запах пристойный. И шумят не слишком.

Все бы хорошо, но только ложа заняты. И тут сама виновата – решила сперва весь вечер в комнате, запершись, просидеть. Из опаски, понятно, и отдохнуть хотелось, лиц чужих не видеть. Насмотрелась уже!

Заперлась, лепешку умяла, кислятиной разбавленной запила... И как начало вспоминаться! Все сразу – что недавно было, что давно, в подробностях, в картинках, в капельках кровавых.

Поняла – сейчас завою. Как лепешечник, что на цепи сидит.

* * *

Три ложа сплошь заняты, на них и смотреть не стала. На

четвертом, дальнем, где светильников поменьше, всего один расположился. Один – не страшно, присяду в уголке, мешать не буду. И вид у парня приличный – лет двадцать пять, светловолосый, лицо...

Рассмотреть не успела – тогу заметила.

Римлянин!

Про все прочее и думать расхотелось. Это в самом Риме тоги все подряд носят, у нас на юге совсем иначе. Даже те наши, что римскими гражданами родились, тогу лишь по делу надевают, в Риме, к примеру, – или в храме на Календы, потому что праздник не наш, римский.

А вот чтобы так, вечером, в «Красном слоне», с чашей вина – и в тоге? Сразу ясно кто!

А уходить противно. Все-таки на своей земле! Я – на своей, не этот!..

Поморщилась заранее, мальчишку-прислужника, что между ложами бегал, пальцам поманила...

* * *

– Госпоже здравствовать! Мне... Подвинуться?

И отвечать не тянуло, и обижать не стоило.

– Господину здравствовать! Госпожой называть не надо. Двигаться не надо!

Получилось, не хуже разбирательства у претора. Парень даже дернулся.

– Если мешаю, госпожа... То есть... Могу, если велишь, уйти... Меня зовут Гай, Гай Фламиний. Но я не из тех Фламиниев...

Точно, как у претора! А приятно, когда не тебя в допрос берут! Сейчас бы врезать: «А вот поглядим, из тех – или из этих. На кресте враз разговоришься!»

– Папия Муцила! Не замочи тогу в вине, Не Тот Фламиний!

Все-таки разозлилась – до того, что римлянину настоящим именем представилась. Ой зря! Молчи, язык, хлеба дам!²

Внезапно он улыбнулся – бледно как-то, грустно.

– Самнитское имя... Тем, кто приезжают в Капую из Рима, не советуют надевать тогу. Особенно по вечерам.

Вот тут я его и рассмотрела. Не двадцать пять, поменьше. Прическа короткая, простая – и тога самая недорогая, грубой шерсти, чуть ли не домотканая.

А вот лицо приятное. Не из тех, что всю жизнь помнится, но... Помнится!

...И еще ямочки на щеках.

– Имя самнитское, но я из осков, Не Тот Фламиний.

Охотно кивнул, вновь улыбнулся, но уже совсем иначе.

– Ну конечно же! Вспомнил! Консулами Государства Италия были Квинт Помпоний Сихон и Гай Папий Муцил, верно?

---

² Молчи, язык, хлеба дам – пословица. Смысл: держи язык за зубами.

Антифон

...А если бы я его в тот вечер, в тот самый миг, убила?

* * *

Здоровенный детина в короткой пестрой тунике лихо вставил два пальца в рот, кому-то подмигнул...

– Бэ-э-э-э-э-э!!!

Густая струя оросила ступени храма.

– Ух, ты-ы-ы-ы-ы!!! – грохнуло со всех сторон. – Устругнул!

– Задницей у тебя лучше выходит! – скривил рожу другой, в такой же тунике, но с женским платком поверх плеч. – Клянусь Геркулесом Победителем, я попаду на целый локоть дальше!

Тоже подмигнул, отмерил расстояние шагами, вернулся на место. Два пальца в рот.

– Да не части, как жрец на Луперкалиях!

Слова девицы, стоявшей поблизости на четвереньках, относились не к соперникам, а к четвертому участнику действия, пристроившемуся в той же позиции как раз позади нее.

Детина в женском платке скорчил героическую рожу...

– Бэ-э-э-э-э-а-а-а-а-а!!!

– Ух, ты-ы-ы! Ну и струя, как у Нептуна, на локоть, точно!
Ух, ты-ы-ы-ы!!! Во дал, а?
– Да не части ты, кролик! И-раз! И-раз!
– Бэ-э-э-э-э-э-э-э-а-а-а-а!!!
– Пошли, – повернулась я к Аяксу. – Насмеялась!

Заезжие мимы тешили народ прямо на форуме славного города Капуи. Угораздило меня сюда попасть именно сейчас! Хотя... Надо же взглянуть, как здешние граждане веселятся.

* * *

– Госпоже Папии не понравилось?
Мы с Аяксом прогуливались по Дороге Сципиона. По сторонам я не смотрела – нагляделась уже. Улица вроде римских, пошире только, и деревья иногда попадают. А так... Дома под желтой черепицей, толпа, кто в рванье, кто в тоге, потные парни, волокущие очередные носилки-лектику.

– Побереги-и-и-ись!
Ну вот, еще одни.
– Госпоже очень понравилось, – наконец откликнулась я. – Любовника застают у чужой супружницы, а муж с приятелем, позабыв об том, устраивают Олимпийские игры. Смешнее некуда, клянусь Геркулесом Победителем... И я тебя просила не называть меня госпожой!
– Так я же на службе! – хмыкнул одноглазый. – Пока ты

мне платишь – ты госпожа. Да и услышать могут. Люди, они ушастые, заметят, как я тебя по имени называю. Чего подумают, а?

Последние слова прозвучали, само собой, вполголоса.

Тут он был прав. Со стороны же мы смотрелись хоть куда. девица, не из свободных, но и не из бедных, с хитрой прической, в тунике и накидке-палле штучной работы, с браслетами и серьгами. То ли служанка из ближних самых, то ли «волчица» побогаче. При ней же хмурый здоровяк с кинжалом – дабы всякая шваль переулками обходила.

Аякс тоже не оплошал: и туника новая, и сандалии, и черная повязка на глазу. Побрился даже.

За эти дни Капую я хорошо узнала, изучила, можно сказать. Много вспомнилось, многое заново увиделось. Не Рим, конечно, да и хорошо, что не Рим. В Капуде хоть улицы прямые. Если не широкие, то римских все же пошире. И разобраться легко, не надо на каждом шагу дорогу спрашивать. В Риме же, чтоб ему сгореть, только муравей жить может. Говорят, «лабиринт». Как же! Видела я рисунок Лабиринта в свитке одном; дворец это на Крите, где Минос в годы давние жил. Там все проходы прямые, ровные, римским улицам не в пример. Не зря, наверно. Дед мой говорил: «Защищать легко, брать трудно». Сама не слыхала, но бабушка запомнила, пересказала.

Знакомиться же я пока ни с кем не спешила. Подмигивали мне, понятно, и даже пытались намекнуть, не прислать ли

сводню. Но тут уж Аякс был начеку.

С городом все было понятно, со здешним народом – тоже («Бэ-э-э-э-э!»), к тому же госпожа моя, сиятельная Фабия Фистула, что-то излишне мешкала, не спешила.

Вот именно о ней, о сиятельной, самое время подумать.

– Здешние матроны по улицам пешком не ходят, Аякс?

– Это точно, госпожа Папия, не бьют ножек. Только в носилках и увидишь. Страх как гордые!

– А как бы нам на них поближе взглянуть?

– Порассмотреть и пощупать, да? Ну... Или в гости напроситься по-наглому – или на гладиаторских боях. Все они там бывают!

– Угу.

Гладиаторской бои? Это совсем рядом с Островом Батиа-та: школа, за ней Цирк Аппия. Представление, кажется, послезавтра.

...А почему я «угу» сказала? Учителя вспомнила?

– Только... В Цирке порядки свои, я там много лет лямку тянул, знаю. Госпожа не из этих, не из настоящих римлян, сразу видать, значит, ближе пятнадцатого ряда к арене не пустят, сзади придется пылью дышать. Тут бы хорошо кого в тоге, чтобы рядом был.

– Угу.

В тоге? Почему бы и не в тоге?

– Не мое дело, госпожа Папия, конечно... Да уж слишком ты на служанку неходишь, не оплошать бы. Народ – он не

только ушастый, глазастый тоже. Вот когда мимов смотрели, ты кривилась, а мимы – они люду простому по душе!

Не похожа на служанку? Скверно. Тем более хозяйка при-
езжает.

– Почему же только простому люду, Аякс? Может, слы-
шал, мимам все годы в городах выступать запрещали, пока
один такой знатный из Рима не распорядился. Вот ему точно
по душе, чтобы все блевали. И желательно – кровью!

– Извини, госпожа Папия, не услышал.

– Я ничего и не сказала.

Антифон

Нет, сказала. А он услышал. Мы говорили о Сулле.

В тот далекий день Луций Корнелий Сулла Счастливым
был еще жив.

Мне много приходилось думать об этом великом челове-
ке, о людоеде, погубившем мой народ и мою землю. И тогда,
и после. Не только думать, говорить тоже. Как-то мы поспо-
рили с Ганником, кажется в Фуриях, перед тем, как я уехала
в Рим, а он ушел с Криксом к Гаргану. Ганник мне не верил,
считал римской лазутчицей, но иногда был очень откровен-
ен.

То, что он сказал тогда, запомнилось слово в слово. Мо-
жет, потому, что часто вспоминалось.

Говорит Ганник-вождь:

– Ты часто вспоминаешь об Италии, Папия. Сулла клянешь, об общей нашей свободе толкуешь. Крикс каждое твое слово ловит, а вот я считаю, что нам Сулла нужен. Да, нужен, но *свой*! Почему погибла Италия? Да потому, что мы были слабыми! А Сулла был силен. Не талантом военным, сражаться и мы научились. Он был жесток, а только в жестокости – *сила*. Убил немногих, но спас свой Рим. Значит, для каждого римлянина, кем бы он ни был, Сулла – герой и спаситель, а те, кто против него, – враги Отечества!

Говорит Ганник-вождь:

– Сулла был во всем прав. Значит, мы станем действовать по-суллански: мешает человек – нет человека, мешает город – нет города, мешает народ... Передай своим на Капитолии, что скоро у Италии будет новый Сулла. Наш! И знаешь, чье имя он впишет в проскрипционные списки в числе первых? Угадай, Папия Муцила, внушка консула?

Я не обиделась – привыкла. Ганник не верил никому, даже Спартаку.

* * *

– Знаешь, Папия, я стихотворение с греческого перевел. Эпиграмму. Прочитать?

Потолок в копоты, четыре ложа у стен, кислятина в чаше. И Фламиний Не Тот по соседству. Он лежит, я сижу. Каждый вечер как-то получалось, что единственное свободное место

оказывалось именно рядом с ним.

...Но уж точно не по моей вине! Хотя на ямочки его смотреть было приятно.

Ко всему парень оказался поэтом. Когда он об этом не без гордости сообщил (во второй вечер, кажется), я и ухом не повела. Хвастает, решила, тропинку к соседке по столу ищет. А вот поди же ты!

Тропинку, конечно же, ищет. Скучно, видать, римлянину в Капуе. И в тоге вечером на улицу не выйдешь.

– Читай, если хочешь.

Не то что я стихов совсем не слыхала или, скажем, не любила. Не в них дело – в парне этом, Гае Фламинии. Я уже поняла – не донесет, но...

– Это Филодем из Гадары. Молодой, меня даже младше, а его стихи уже повсюду знают. Он с моим другом Марком Туллием переписывается.

Кашлянул нерешительно.

– Здравствуй, красавица. – Здравствуй. – Как имя? —
Свое назови мне.

– Слишком скоро. – Как и ты. – Есть у тебя кто-нибудь?

– Любящий есть постоянно. – Поужинать хочешь со мною?

– Если желаешь. – Прошу. Много ли надо тебе?

– Платы вперед не беру. – Это ново. – Потом, после ночи, Сам заплати, как найдешь... – Честно с твоей стороны.

Где ты живешь? Я пришлю. – Объясню. – Но когда же

придешь ты?

– Как ты назначишь. – Сейчас. – Ну хорошо. Проводи!

Дослушала, кивнула, постаравшись лицом не дрогнуть. Стишки с греческого, значит, переводим?

– Эта эпиграмма, – вновь кашлянул он, – интересна диалогом, длина слов в греческом и нашем разная, а требуется, чтобы при переводе количество и слов, и слогов было тождественно. Необходимо также соблюсти размер. Понимаешь, Папия?

Понимаю, конечно. Видела я сегодня диалог на площади. На тему «кто дальше».

– Угу!

Привязалось ко мне это «угу!». Да и понятно стало: не в ямочках его дело – во мне. Со всеми окаменеть могу, щитом прикрыться, а с этим сдержаться никак не выходит – так и тянет правду сказать.

Вот и сейчас не сдержусь!

– Намек поняла, Гай Фламиний Не Тот. Отвечаю. Как меня зовут, знаешь, где сейчас живу – тоже. Ужинаю не с тобой, а поблизости. С тобой – никакой охоты...

– Я ничего не имел в виду, это же стихи! – неуверенно начал он, но я не слушала.

– Плату вперед брать приходилось, иногда несколько ассов всего. Когда есть было совсем нечего, голод от губ не отставал. И без платы тоже – силой брали, такое чаще бывало.

Первый раз в семь лет, на глазах у матери и сестры. Любил наш хозяин такое! Почему я после всего не утопилась? Мать жалела. Сестру убили, насмерть у столба заporоли, одна я у нее оставалась. А мать умерла, и бабушка умерла...

Закусила губу, отвернулась. Что я говорю? Где? И кому? Может, сразу на крест попроситься?

– Тогда я еще тебе почитаю.

Если бы чего иное сказал, извиняться принялся или, допустим, сочувствовать, я бы этого умника!..

– Читай...

Без похорон и без слез, о прохожий, на этом кургане
Мы, фессалийцы, лежим – три мириады бойцов, —
Пав от меча этолийцев и римлян, которых
Тит за собою привел из Италийской земли...

– Дальше перевести не успел, извини. Это Алкей Мессенский.

– Поняла, – буркнула я, отвернувшись. – Фессалия и Этолия в Греции, знаю. А Тит?

– Тит Фламиний – тот, кто Грецию и завоевал. Греки звали его на помощь, а он натравил одних на других.

Обернулась, посмотрела... Совсем иначе говорит! И взгляд иной.

– Не предок, даже не родич, – понял он. – Я действительно Не Тот – из семьи его отпущенников, отсюда имя.

– Братец по несчастью? – усмехнулась я, все еще не успо-

коившись.

– Не по несчастью. Мои предки – давно уже римляне, как и я сам. Даже имею право не ставить после семейного прозвища букву «Л». Но римляне бывают разные, Папия Муцила. И... Надеюсь, ты убила своего хозяина? Только не отвечай, не надо!

Вновь на него поглядела. Слыхала я такие песни: и римляне бывают разные, и волки разные, и болотные лихорадки.

– Считай, что поняла, мой Гай! Ты просто хотел кое о чем намекнуть соседке по столу. Кажется, среди поэтов такое принято, другие просто деньги суют. А насчет хозяина отвечу. Убила бы – и давно, только закон есть: за смерть господина казнят всех его рабов, какие в доме. Не знаешь, римлянин? Я иначе сделала. Он заболел – а я лекарства заменила, из флакона во флакон перелила. Так что наказали не всех, а только лекаря. И не казнили – в каменоломни направили. Поделом! Нас, рабов, умирать оставлял, лечить не хотел, если не за деньги. Да и лекарь из него...

– «Как-то болящий увидел врача в сновиденьях, – невозмутимо отозвался Гай. – И не проснулся уже, хоть и носил амулет». Могу еще. «К каменной статуе бога лекарь вчера прикоснулся. Бог был, и камень, и все ж – нынче выносят его».

– Ладно! – оттаяла я. – Лучше скажи, почему чужие стихи переводишь? Свои написать трудно?

Антифон

Только сейчас понимаю. Понимаю – и все равно лгу, даже себе самой. Вспоминаю ямочки на лице бедного Гая, о том, как меня разозлила веселая эпиграмма...

Ямочки были, и стихи из себя вывели (уже потом их на греческом прочла, как раз в доме Марка Туллия, что с поэтом в переписке был). Но... Мне был нужен римлянин в тоге – и не только для того, чтобы в Цирке Аппия сесть поближе к арене.

Всегда и везде сильным быть невозможно. Как и слабым. Надо лишь не пропустить грань, за которой чужой силе приходит конец.

Да, Учитель, это так!

Смешной парень, переводивший греческих поэтов, был римлянином – римским волком, который не поспешил выдать беглую, хотя догадался еще в первую нашу встречу. Встае, в выводке Римской Волчицы, волки должны быть заодно. Гай Не Тот не предал беглую рабыню. Мелочь, конечно. Но, как любит повторять Учитель, сказавши «алеф», следует говорить «бейта».

Римлянин Фламиний сказал свой «алеф».

В тот вечер я чуть было не согласилась подняться в его комнатуху на четвертом этаже. Приходилось уступать (и кому!) за куда меньшее, чем возможность приобрести союз-

ника. И вести дела с ним стало бы куда легче. Всего-то и забот – немного потерпеть, в потолок глядя и о чем-то постороннем думая. К тому же римлянин не из тех, кто от женской боли и унижения счастлив бывает. Может, и меня бы отпустило, забылась ненадолго, увлекалась даже – до первого солнечного луча.

Но после я бы возненавидела моего Гая.

* * *

А наутро мы встретилась с Учителем.

* * *

– Легкая же рука у тебя, хозяйка! – лапища Аякса шлепнула у меня по плечу. – Ну легкая! Пятьсот сестерциев одним махом!.. А я-то, простофиля...

– Кто-то победил? – не оборачиваясь, бросила я.

– Ну Эномай же, Эномай! «Галл», на которого ты...

Чуть не сказала «угу». Сдержалась. Пятьсот сестерциев – тоже неплохо. Десятая часть моего выкупа, если бы с хозяином повезло.

На арену я вообще не смотрела. Там что-то мелькало, что-то бегало, стучало, хрипело, булькало. Что именно, понятно, но не любительница я такого. А вот вокруг поглядывала. И

вопросы задавала. Не Аяксу, его от арены только Плутон зубами смог бы оторвать. Зато поэт Гай Фламиний, по правую руку мною усаженный, оказался молодцом. Ему, римлянину, и самому интересно было, кого и как режут, но все же отвлекался – отвечал.

Интересовало же девицу в богатой палле, надетой, несмотря на жару, то, что не на арене. Сам Цирк Аппия мало чем от Большого Римского отличался, только размерами, как и все в Капуе. И запахи сходны, и пыль, и мальчишки, что воду и лепешки разносят. И народ тоже такой же. В общем. Но про некоторых, что в первых рядах обосновались, хотелось узнать подробнее. А на матрон еще и поглядеть. Мало ли, вдруг они тут иные, чем в столице?

Вот Гай и пригодился. Он, бедняга, чуть ли с голоду из Рима уехал. В Капуе родичей отцовских искал, друзей – и тех, кто стихи любит, конечно. Найти толком не нашел, зато город узнал.

– Гляди, хозяйка! Сейчас Каст с каким-то Фламмой резаться станет. Каста я знаю, тот еще рубака, он ему задаст. На него все поставили!..

Я пожала плечами.

– Все по медяку и получают.

Медяки меня не интересовали. Хотела выиграть – выиграла. Не ради денег – себя проверить. А для этого на арену смотреть и не требуется. Грань между слабостью и силой: меня арена никогда не интересовала, а вот одноглазый много

лет в гладиаторах проходил. Вот и грань! Если нам вместе быть, именно тут моя слабость в его силу переходит. А моя сила – в другом.

Аякс, как только узнал, что мы в Цирк Аппия пойдем, от радости даже подпрыгнул. Подпрыгнул, в землю подошвой ударил – и поклялся, что мы с ним обязательно кучу золотища с серебрищем выиграем. Если не кучу, то сестерциев сто – точно. Он, одноглазый, всю гладиаторскую публику знает, с народцем подробно переговорит...

Я не возражала, но заодно велела принести результаты игр за последние три года. Серебра не жалеть – достать. Пусть писарь в школе гладиаторской или в Цирке, если там свой есть, хоть всю ночь по табличкам стилосом черкает.

Писарь успел к вечеру. А ночь мы с Аяксом над табличками и просидели.

– Батиат! – Губы Гая коснулись уха. – Лентул Батиат, ты спрашивала. Он выходил, сейчас вернулся.

При этом губы упорно не желали отлипнуть.

– Каменное кресло в первом ряду? Толстый, лысый, в серой тоге?

– Он! Хозяин школы и...

– Не щекочись! Мух полно, еще и ты...

Ухо освободилось. Обиделся?

Мухой мечтал бы я стать, чтобы ты обратила внимание!
Мухой, пчелой, комаром... Может, ослом пригожусь?

Неужели с ходу сочинил? Или перевод подходящий вспомнил?

– Ну что я говорил, хозяйка? Прикончил его Каст, с пятого удара прикончил!..

– Угу.

Хозяин мой, Тантал ему в консулы-коллеги, очень играть любил. Увлекался до одури, но не гладиаторами, а колесницами. Разница, конечно, есть, и немалая, но игра – всюду игра.

Для начала вычеркнули мы с Аяксом поединки с деревянным оружием. Не ставит никто всерьез на всяких пегниариев. Затем... Затем я хозяйскую науку вспомнила. Серебро счет любит, моя же мама все записи в доме вела. И мне самой кое-что хозяин рассказывал – хвастался, подлец.

Колесницы, как известно, придерживают. Не только ради того, чтобы проиграть – иногда и для того, чтобы выиграть. Не сегодня, чуть позже, когда публика в слабость поверит и на других ставить начнет.

Итак, колесницы придерживают. А гладиаторов?

Узнала я у Аякса моего, в каких случаях проигравшего на арене не убивают. Тех, что раненные тяжело были (не подделаешь, не оловянный сестерций), из списка выбросила. А кто остался? Остались же «отпущенные стоящими». С ними тоже морoka: кто по воле публики, кто потому, что время вышло. Каждый боец разный, у каждого – своя ступенька в

школе, «палус», если по-гладиаторски. Вроде как у легионеров, по опыту старшинство и по силе. Но и это не все. У одного пять побед, у другого – двадцать. Второй вроде сильнее...

Ну точно, как с колесницами!

...Зато первый моложе, причем лет на десять. И ран у него серьезных еще не было. А этот, допустим, «палус» высокий имеет, дерется долго, но все последние игры «стоит». Будет и дальше «стоять» – или выпустят лошадку?

Вот и пригодился Аякс!

* * *

– Папия, Папия! Вон там, во втором ряду! Юлия Либертина, ее дом сразу за Форумом, я там позавчера был.

– Стихи ей поднес? Ну и как?

– Ну... Обещала плащ подарить. Потом, к зиме ближе.

А между прочим, прическа у этой Либертины...

– Хозяйка, да погляди же ты! Сейчас андабаты драться станут, десяток на десяток!..

– Андабаты – это кто? Нет, не объясняй, не надо.

Все равно смотреть не стану. Вот если бы андабатов этих да прямиком на первые ряды Цирка направить. И начать, конечно же, с ланисты Батиата!

А почему бы, собственно, и нет?!

Я наметила семь бойцов – из тех, кто долго «стоял». Три

раза проиграла, четыре – выиграла. Немного, конечно, не одна я такая умная. Но вот с Эномаем, который из «галлов», иначе вышло. Тут мы с Аяксом чуть не поругались. Шумел одноглазый, ручищами размахивал. Мол, да простит мне твой гений, но ты, хозяйка, в таких случаях слушаться должна, я на арене песок нюхал, пока ты еще под стол бежала!..

И – пятьсот сестерциев. Премудрость³, Папия! Но главное... Нет, не знаю я еще главного. И понадобится ли мне это главное, тоже не знаю.

Значит, узнать надо!

* * *

– Папия, можно идти.

– Нет, подождем. Зачем хозяйке в толпе пихаться?

Оглянулась. Встала.

– А что? Игры уже кончились? Аякс, ты говорил, что в школе Батиата пирушки случаются.

– Не пирушки, госпожа Папия, – серьезно поправил одноглазый. – У «волчиц» пирушки, а у нас – свободные трапезы. Свободные? Аякс тяжело кивнул.

– Как есть свободные. Всех пускают, только угощение приноси. А главное – перед боем они, трапезы, случаются,

---

³ Премудрость – нечто вроде «браво!».

так что назавтра половина ребят свободными станут. Только Харону асс заплатят.

Ясно. Интересно, когда ближайшая?

Антифон

После того когда я рассказала Учителю о том «главном», что мне все-таки удалось узнать (ох, лучше бы не узнавать никогда!), Он удивленно вздернул брови.

– Даже так? Ты молодец, обезьянка! Большой молодец!..

Тогда Он впервые меня так назвал. А я почему-то не обрадовалась.

* * *

– Сиятельная Фабия Фистула! Сиятельная Фабия Фистула!

Солнышко греет, на белесом жарком небе ни облачка, зато и пыли нет – ночью дождь случился. Словно по заказу.

– Сиятельная Фабия Фистула! Дорогу сиятельной Фабии Фистуле!

– А-а-а-а-а-а-а!

Из переулка, что от Дороги Сципиона к Острову Батиа-та, – мальчишки врассыпную. Пятки шлепают, скользят по влажному камню. Резво мелюзга капуанская бежит, точно на

нее дюжину волкодавов-молоссов натравили. Оголодавших.

– Дорогу сиятельной Фабии Фистуле!

– А-а-а-а-а-а-а-а-а-а! Несут! Несу-у-ут! Разбегайся-я-я!

А чего бы не поорать, глашатаю вторя? Событие как-никак. Хоть Капуя-город, хвала богам-заступникам, и не маленький, не Анниев Форум какой-нибудь, но и не Рим все же.

– Сиятельная Фабия Фистула!

Кто же она, эта сиятельная? И собой какова?

Кто именно – не вопрос. О таком спрашивают редко, почти никогда. В Риме – потому что там всех сиятельных и так в обличье знают, нагляделись на ясные солнышка, наклонялись. А за римскими воротами таких вопросов предпочитают не задавать – от греха да от кулака подальше. Вечному Городу виднее, кто сиятельный, кто нет. Сиятельная – и ладно, от лишнего поклона лоб не треснет. Значит, можно не мудрить. Конечно, с красной каймой шутить не следует, так и префекта городского напугать можно. Значит, просто сиятельная. То есть не просто, а сиятельная вдова.

– Дорогу сиятельной Фабии Фистуле! Несут! Несу-у-ут-ут!!!

Нет, еще не видать. Мальчишки вперед побежали, кто повзрослее и не столь поворотливее, к стенам жмутся, а глашатай со скороходами им помогают. Узок переулок, как раз на одни носилки. А если ненароком сиятельную толкнешь?

Вдова почему? А чтобы о муже ее сиятельном не думать и

его сюда не звать. Прожил! Исполнил долг перед родным Римом – и стоит бюстом восковым в собственном доме где-нибудь на Палатине. Сенатор, допустим. Не консуляр, не бывший цензор, тех поименно знают, просто. Для Капуи хватит. Был себе сенатор – и помер.

Вдова – а лет сколько вдове? Если старая, быстро поймут, догадаются. Голос! Разок похрипеть да пошамкать можно, но чтобы день за днем? Средних лет? Лучше всего, но беда: полнеют матроны от жизни сидячей. Все у очага шерсть прядут, дом только ради храма покидают. То есть ерунда это, еще как покидают, с визгом даже, но за римскими стенами привыкли: если матрона, значит, солидность в ней видна, основательность. Такая, что талию даже корсет-мамилар из кожи бычьей находит с трудом.

А какая солидность, когда ребра кожу рвут?

Посему Фабия Фистула моя будет молодой, лет этак двадцати пяти, не раздобревшей еще. Возрасту никто не удивится, всем ведомо, что римлянок породистых лет четырнадцати замуж выдают, порою и раньше. Только из девчонки девушкой стала – к алтарю, хлеб ломать.

И что вместе получается? Вдова, муж (бывший претор, скажем) года два назад отправился Харону медяк вручать, траур кончился, можно и в Капую съездить.

– Сиятельная Фабия Фистула! Сиятельная!..

А вот и бегуны-сороходы! Сороходами, правда, только зовутся, да и незачем им бегать. Идут бодрой рысью, зевая

отгоняют. Те и сами теснятся, привыкли. Не уступишь ясно-
му солнышку дорогу, могут и по шее навернуть.

– Сторонись, сторонись! Уступи дорогу!

Сторонятся! А вот и глашатай, хмурый, основательный.
Ступает серьезно, потому как должность уж больно важная.
Вот сейчас воздуха поболе вдохнет...

– Сиятельная Фабия Фистула прибывает в город Капую!

Богата ли вдова преторская? Не очень, думаю. Все знают,
что в Риме сейчас при сестерциях как раз те, что не очень сия-
ют. Излишне сиятельных Марий с Суллой разорили, в про-
скрипции вписали. И сами они, консуляры с пропреторами,
горазды достояние славных предков транжирить. Поэтому и
не брезгают вне Рима жить. Дешевле оно, да и не так хлоп-
отно.

С этим ясно. А внешность сиятельная? Выглядит она как,
моя Фабия Фистула?

* * *

Вот она! Вот! Не сама, конечно, носилки ее. И не обыч-
ные! Носилки-лектика, из тех, что самые лучшие. Не в ко-
торых сидят (те не лектикой – ферторией зовутся), а такие,
чтоб сиятельной возлежать удобно было. И не просто возле-
жать, а на подушках. А как же иначе?

– Дорогу сиятельной Фабии Фистуле!

Десять парней мерно ступают, вполголоса песню поют,

дабы в такт идти и, не попусти Юпитер Статор, с ноги не сбиться. Носилки, понятное дело, крытые, с занавесками из ткани богатой, с одним окошком слюдяным, чтобы сиятельной все было видно, а народцу любопытному – наоборот. Очень удобно! На улице Фабию Фистулу мою никто видеть не должен. Мало ли? И не увидит. Пусть в слюдяное окошко пялятся. Но все равно, без внешности нельзя. В дом войти придется, в храм. И в самом доме, конечно, пребывать, как без этого? Вдруг какой-нибудь сиятельный в гости завернет, приветствовать пожелает?

Внешность – и сложно, и просто. Что всякие глазастые прежде всего замечают? Мудрецы лысые говорят – одежду, по одежке, мол, встречают. А вот и нет! Походка, походка прежде всего! И конечно, все прочее: как стоишь, как сидишь.

...Как лежишь, тоже, но это и подождать может.

Трудно! Их, благородных, словно собак, со щенячьего визга держать себя учат, не жалеют. Чтобы плечи ровно, чтобы подбородочек вверх. И спинка – стрункой, если в кресле окажешься. С походкой же сложнее всего. Шаги мелкие, но семенить нельзя. Идти – словно саму себя нести, вперед не подаваться, лишний раз по сторонам не смотреть. Если поглядеть хочешь, голову не рывком вправо-влево, а не спеша, бережно. Говоришь с кем, руками не дергай, но и столбом не стой. «Здравствовать тебе!» – а правая рука чуть к подбородку и ладонью вперед, словно здравие это с ладони

спускаешь.

Так что проще всего представить себя на дне морском. Вода тугая всюду, не разбежишься, спешить не станешь. И плавно, плавно...

– Сторонись, сторонись! Сиятельная Фабия Фистула!

Грядут, грядут носилки – прямо к Острову Батиата. Там тоже народ – и тоже к стенам теснится. Теснится, переговаривается.

Смотрит.

С носилками и скороходами ясно все, видали такое граждане славного города Капуи, хоть и не каждый день. За ними кто? Понятно кто! Двое парней в темных туниках, с кинжалами на поясах. Для чего – можно не спрашивать, особенно у них самих. А тога откуда? И тога, и который в тоге? У самых носилок, у самого окошка? Молодой, резвый, шаг с ходом носилок ровняет. Не бежит, но поспешает слегка.

– Сторони-и-и-сь!

Переглядываются добрые капуанцы, кивают. Ясное дело – клиент! У тех, кто познатнее да побогаче, всегда рабы-прилипалы имеются. Не из рабов – из настоящих римлян. Почет! С утра благодетелей у крыльца парадного ждут – доброго утречка и здоровья пожелать, потом вслед за носилками бегут, двери отворяют. Надо – кулаками чужих клиентов встречают, а то и за оружие берутся. Не иначе, серьезная женщина – матрона эта, если даже в Капуе клиентов нашла. Сразу видно, сиятельная из настоящих! Сейчас окошко при-

откроет, парню в тоге указание даст. А он и побежит, даром что гражданин римский.

Так парень-то известный! Гай Фламиний – тот, что стишки кропает и покровителей ищет. Повезло ему! Нашел, виршеплет!

– Сиятельная Фабия Фистула прибывает в город Капую! Дорогу!!!

Вздрогнул народ любопытный, колыхнулся. Значит, верно, значит, в «Красный слон» пожаловать сиятельная изволит, как и болтали. Недаром хозяин слонячий три дня клопов по комнатам гоняет, травы пахучие по углам рассыпывает! А еще велено дважды в день в комнаты воду теплую доставлять. Ванну алебастровую пока на второй втаскивали, едва не расколотили. Римлянка, что и говорить! С самого Палатина!

– Сиятельная!!!

Только не жить такой в «Красном слоне» долго. Говорят, дом себе в центре присматривает, все выбрать не может. То крыльцо низкое, то колонны не того мрамора.

– Сиятельная Фабия Фистула!

Спешат капуанцы к входу в гостиницу, а там прочие, с Острова, с улиц соседних собрались, плечами пихаются, головами вертят. Сейчас самое-самое начнется, госпожа важная из носилок ножку покажет, по ступенькам подниматься примется.

– Многих лет Фабии Фистуле, гостье Капуи! Многих лет!..

Приоткрыла я окошко слюдяное, Гаю Фламинию улыбнулась. Молодцы мы с тобой, поэт, правда?

Антифон

– Не претерпит тот, кто пребывает в мире этом, подобно вору в ночи, – молвил однажды Учитель. – Ибо не увидят тебя гонители твои и обойдут стороной ненавидящие тебя. Но, во тьме пребывая, всегда готов будь зажечь свет.

– Притча? – улыбнулась я.

Кивнул, усмехнулся в ответ.

– Зажигай свет свой, и пусть он будет ярок, ярче света встречного, дабы ослепли ищущие тебя. И станется, как с десятью девами, которые, взяв светильники свои, вышли навстречу жениху. Из них пять было мудрых и пять неразумных. Неразумные, взяв светильники свои, не запасли масла. Мудрые же, вместе со светильниками своими, взяли масла в сосудах своих. И как жених замедлил, то сказали все в сердце своем: не станет ждать, призовем на ночь блудников, дабы утешили нас.

Но в полночь раздался крик: вот жених идет, выходите навстречу ему! Тогда встали от блудников все девы и поправили светильники свои. Неразумные же сказали мудрым: дайте нам вашего масла, потому что светильники наши гаснут. А мудрые отвечали: чтобы не случилось недостатка и у нас и у вас, пойдите лучше к продающим и купите себе. Когда

же пошли они покупать, пришел жених, и готовые вошли с ним на брачный пир, и двери затворились. И пиروвали они с женихом своим, блудники же, невидимы, во тьме остались. И благо было всем им, счастливым и во тьме, и при свете. Неразумные же остались ни с чем, когда блудники, пресытившись, оставили их.

– Жених смотрел на свет, а не на блудников, – поняла я. – А масло? Какое оно?

– Масло? – удивился Он. – Смотри по тому, что ты желаешь зажечь, обезьянка!

* * *

Растегнула пояс, фибулу на плече, дернулась. Не вышло! Забыла совсем, что палла не моя, прежняя, а римская, ее просто не сбросишь. Сначала накидку-паллиолату долой (она-то сама собой падает, удобно), а вот дальше – сложности. Ее, паллу римскую, матронам предписанную, через голову снимают. А у меня прическа, портить жалко.

– Гай, помоги! Ты где?

Обернулась. Ну, конечно! Мнется у дверей поэт, краснеет.

– Ты что, матрон никогда не раздевал? Не замни только. Скорее, мне сейчас вниз спускаться!..

Пора, пора! Сиятельная Фабия изволила в комнату проследовать, верный клиент вещи вволок, столь же верная слу-

жанка в комнате госпожу встретила, дабы раздеться помочь да умыться подать. Сейчас клиент, долг исполнив, должен комнату покинуть, а потом и служанка появится – приказы от госпожи гостинщику передать.

Уф, наконец-то! Паллиум – нижняя часть шерстяного чудовища – с негромким шорохом скользит на пол. Поднять? Потом, потом...

– Спасибо, Гай!

Тунику сбросила сама. Времени мало, а ополоснуться все же следует. День жаркий, носилки душные, а уж одежда римская!..

– Ой!

Поэт, что с него взять? Стишки, намеки, тонкие и не очень, а стоило тунику скинуть...

– Гай Фламиний! Не отворачивайся и прояви римскую доблесть – бери кувшин и помоги умыться. Там, над лутерием.

Хотела добавить: «И глаза не пяль!» Не стала – и так не пялит, бедолага. А хоть бы и пялил, в конце концов.

...Лицо, лицо не забыть! Утром я с косметикой возиться не стала, на покрывало понадеялась, зато уж набелилась от души. Напугаю всю гостиницу!

– Что смеешься, Гай Фламиний?

– Эпиграмму вспомнил. Только на греческом.

– Давай! Как-нибудь буквы на камне разберу.

Хорошие белила, не отмываются!

Мед покупаешь ты с воском, румяна, и косы, и зубы.
Стало б дешевле тебе сразу купить все лицо.

Отряхнула воду, ткнулась носом в полотенце. Снова белиться придется, хотя бы чуть-чуть. И еще губы, брови, немного румян на щеки...

– Ты прав, Гай! Бедные мы, женщины!.. Теперь беги вниз, как договаривались, и... Нет, сначала скажи, как все выглядит.

– Ну... А-а-а...

Поймала его взгляд, сама чуть не покраснела. Ясно... Со всем забыла, что я перед ним в одном полотенце (и то нашее) и в пояске поверх пупка. Тут уж не до эпиграмм.

– Гай, вороны тебя заклюй, очнись! Считай, что ты на войне, что ты – твой не-предок Фламиний! Хочешь, чтобы я перед тобой голой постояла? Не возражаю, но – потом. Если захочешь.

Сглотнул, смешно дернул носом.

– Виноват, мой консул! Прошло отлично, лучше не бывает. Я бы про это целую сатуру написал, не хуже Луцилия.

– И сатуру потом. Беги!..

Антифон

Потом...

Потом в Риме, в Мутине, в Брундизии, когда на кону была не только моя голова, не только мои запястья, холодевшие от близости гвоздей, стало не до представлений. Правило лазутчика – появляйся тихо, исчезай еще тише. Спартак каждый раз просил: «Только не шуми, Папия! Шуметь – наше дело, а ты тихо, тихо!..» Но я не осуждаю нахальную девчонку, взбаламутившую в то далекое утро целый город. Ищите беглую, ловите, под каждый куст заглядываете? Ищите, ищите, римские волки! Лучше ищите, землю носами ройте! А то отпишет сиятельная Фабия Фистула прямиком на Капитолий, что префект капуанский со всем своим воинством девчонку-беглянку сыскать не может!

И еще резон был – все тот же, дрянной очень. Сказал-таки Гай Фламиний «бейта», согласился мимом побывать, беглянку госпожой представить. Сразу согласился, радостно даже. И ведь помог – очень. Я-то обычаи римские, будь они неладны, со стороны видела, из рабской клетушки, он же – совсем иное дело.

И теперь, если что, нам с ним рядом на крестах висеть. Но пока он – на моем крючке!

Потом... Потом, нескоро очень, я сама перед Гаем повинулась. Он удивился, голубыми глазами моргнул: «Ты считаешь, что миром правит только страх, Папия? Разве просто человек не может помочь другому – просто человеку?»

Гай, мой бедный Гай!

Аякс же и дружки его после нашего представления меня

зауважали. Очень даже зауважали! Рисквая, мол, ты, госпожа Папия! Скажи, чего еще надо – враз устроим. И денег вполтину меньше возьмем. Потому как для таких, как ты, стараться – правильное дело!

* * *

– Запомню, бабушка, все запомню, не волнуйся, тебе нельзя волноваться, так лекарь сказал, я ему сережки свои отдала, чтобы он тебя вылечил. А те слова, которые для Неведомого Бога, я сразу запомнила. Повторить? Знаю, что вслух нельзя, но я губами шевелить стану, ты и поймешь. Только почему бог этот не помог нам, оскам? Дедушке, папе, тебе? И нам с мамой и сестричкой? Почему мы рабы? Оски пленных отпускали за выкуп, и самниты отпускали, и марсы. Да, о Сулле я знаю, с детства помню. Представляешь, римляне его тоже боятся, ненавидят – и боятся. Может, он тоже бог, только плохой очень, совсем плохой? Не умирай, бабушка, пожалуйста! Ты храбрая, тебя ничем не испугать, без тебя нам совсем плохо станет!.. Хорошо, повторю, если хочешь. Дедушка перед смертью сказал: «Волку выть на Капитолии!» Я помню. Я не забуду!

Кто придумал, что Сон – добрый бог? Неправда, неправда, неправда! Он не добрее своих сестер – Смерти и Возмездия. Все они рядом, близко, дышат в затылок, в лицо, в губы. Не уйти, не спрятаться...

– Мама! Я лучше повешусь, мама, горло себе перережу! Нет, нет, нет! Даже если мы все рабы, они не имеют права! Я знаю, у этих проклятых римлян закон есть, что с рабами так нельзя, мы же люди! А ты позволяешь все – и с собой, и с нами. Думаешь, покорность нас спасет? Сестру избили просто так, у хозяина голова болела, а когда рабыню плетьюми полосуют, ему легчает. Жаль, папа погиб, он бы его на куски разрубил!.. Нет, я не стану говорить тише, не стану, не стану! Пусть эти римляне слышат!

Ты вскрываешь могилы, Сон, ворошишь старый прах, тревожишь желтые кости. Оставь, отпусти, хотя бы на эту ночь! Ты не милосерднее моего хозяина, тот тоже приказывал, чтобы нас с сестрой били каждый день до крови, до беспамятства. Помню, можешь не шептать! Ему нравилось такое, очень нравилось. Остальные римляне были не добрей, знали, что хозяин наш – выродок, от него супруга ушла, детей забрала. А за рабов кто заступится? Ты, Сон, не добрее. Каждую ночь, стоит лишь закрыть глаза...

– Хозяин! Господин! Прошу, прошу тебя! Сестра не виновата, она не хотела, не хотела, она мне сама сказала, поклялась! Пусть хозяин не велит ее наказывать, пусть накажет меня, я крепкая, выдержу. Мы с сестрой все делаем, весь день работаем, даже когда ты приказываешь давать нам только хлеб и воду. Управляющий нами доволен, хвалит!.. Пощади сестру! Если она умрет, мама тоже не выдержит, она совсем больная, почти не встает!.. Господин, господин, гос-

подин...

Чего ты хочешь от меня, Сон, брат Смерти и Возмездия? Чтобы я каждую ночь снова и снова плакала и умирала, видя, как плачут и умирают другие? Какие видения ты приносил моей бабушке, Сон? Как горел наш город? Как деда принесли на щите после той битвы, когда мы победили, а он погиб? А маме? Как папу на ее глазах распинали на кресте? У меня есть клятва, Сон, и у бабушки она была, и у мамы. Покажи! Покажи, чтобы я увидела: клятва исполнена, Рим горит, и все города римские горят, а этого зверя Суллу распинают на кресте – как папу! Не можешь? Какой же ты после этого бог?

– Может быть, ты слышишь меня, сестричка... Бабушка говорила, что мертвые после смерти слышат, пока их не похоронят. А мы с мамой не сможем даже похоронить тебя как положено. Хорошо еще, управляющий разрешил закопать тебя на кладбище, где бродяг из милости погребают. Извини, сестричка, что не плачу, я не могу уже плакать, может, над мамой поплачу, ей совсем мало осталось. Но пусть! Скажи папе, и бабушке скажи, и деду: я все помню. Все сделаю! Пусть не все, пусть я всего лишь убью хозяина, и меня повесят на кресте, как папу. Но это лучше, чем как ты... Извини, извини, зря это я сказала. Вот видишь, теперь я плачу!..

Не отпускаешь, Сон? Не отпускай! Ты – не милосерднее Смерти, не милосерднее Рима! Тот тоже не отпускает нас, нашу землю, нашу Италию. Вы все сильны, но у силы грань, за которой – слабость. Кружи, Сон, дыши в лицо! Вы – не

всесильны! Найдется тот, кто страшнее тебя. Найдется тот, кто сильнее Рима! Волку выть на Капитолии!

– Тебе понадобится помощник, Учитель. И не один. И помощница Тебе пригодится. Без людей Ты не сможешь...

* * *

Неладное я заметила на улице – прямо посреди Дороги Сципиона, что через всю Капую идет. Мудрено было заметить, но парень, что за мной увязался, промашку дал. Хоть и небольшую, а промашку.

А все из-за хозяйки, из-за сиятельной! К утру успела я ее разлюбить, мою Фабию Фистулу. Так разлюбить, будто и вправду меня этой римлянке продали.

Все ничего начиналась. Проснулась на заре, по привычке, сбежала вниз – да на гостинщика и наткнулась. К месту пришлось: напомнила ему для верности, что хозяйка моя – матрона с привычками и страх как беспокойства не любит. Оттого и в Капую пожаловала, подальше от римского шума. До полудня отдыхать привыкла, завтрак только из моих рук берет, а иные трапезы обычно в городе вкушает, в гостях...

...Про то, что комната запирается, да не простым замком, а хитрым, сирийским, с двумя ключами, я сразу озаботилась. Нечего госпожу тревожить!

Выслушал меня Слон этот Красный, кивнул понимающе, да и поинтересовался, куда розги доставить: в комнату или

на двор задний, под навес, где столб для порки вкопан. А если плеть требуется, то и таковая имеется.

Выскочила я на улицу, словно меня и вправду у столба выпороли всей гостинице на потеху. А чего я ждала? Рабыня – даже у Фабии Фистулы рабыня. «Говорящее орудие», не человек.

Плохо! Я же в это утро я хозяйке своей, мирно почивавшей, столько добра сделать хотела!

Вчера мы с поэтом моим да с Аяксом одноглазым ее, Фабию, не до конца сотворили. Вроде как в луковице – лишь кожуру внешнюю. Носилки, скороходы, палла еще, покрывало...

...Морока! И красивое должно быть, и непрозрачное. И не очень яркое, потому как вдова, не положено. Но – молодая, нравиться еще желает. Нашла! Дорогое покрывало, зато как по заказу.

Из обуви только сандалии на ремешках с заклепками купила. Успеется остальное.

Остальным в это утро я и решила заняться. Сама пошла, без Аякса. День ясный, да и положение мое вроде бы определилось. Пособить же одноглазый мне на этот раз не мог. Ну никак! Сандалии – не задача, в первой же лавке, что на Острове, купила (две пары да еще полусапожки) и до вечера там оставила. А вот лицо... Хорошо бы по совету Гая готовое купить, знать бы только где!

О лице сиятельном размышляя, я парня этого и подмети-

ла.

* * *

Лавка на Дороге Сципиона. Из самых лучших, с двумя пиниями у входа (по-римски – дворцу впору) и с вывеской пристойной. На улицу выходит, но прилавок широкий, далеко вперед вынесенный для пущего удобства. А на прилавке – лица те самые, правда, в разобранном еще виде.

Каким быть лицу хозяйскому? Тоже задача, и немалая. Нагляделась я на матрон римских, но издалека. В господском доме, как хозяйка наша хозяину развод по всем правилам дала, только девицы из тех, что пошустрей, бывали. Девица и матрона сходство, конечно, имеют...

Оно и плохо. Не должна моя Фабия на служанку свою верную походить! Сандалии я на самой широкой подошве подыскала, прическу повыше сделаю, пояс пошире. Но лицо, лицо!

Стою у прилавка, глазами по баночкам да шкатулочкам бегаю – и замечаю, что парень в плаще, молодой да уже бородатый, тоже всю эту красоту изучает. Любопытный – у соседней лавки, где я чуть задержалась, он тоже интерес свой проявил. Тогда я по плащу его взглядом скользнула...

С плащом он и ошибся. Сердце Капуи, форум рядом, лавка со всеми радостями женскими – и сельский увалень, то ли из пастухов, то ли виноградарей. За стенами городскими

такие плащи круглый год носят, летом даже, но чтобы тут!

В книжках греческих, где про любовь несчастную, о бедняжке какой-нибудь пишут: «Похолодела». Я не похолодела, камнем взялась. Миф есть, греческий тоже – боги провинившегося в камень обратили, а нутро живое оставили. Стоит бедняга статуей мраморной, из глаз слезы сочатся...

Все возможно, конечно. Лохматого могло по своей надобности в Капую занести, а он время решил убить, мимо лавок пройти, на редкие штучки полюбоваться. Или красotka его в лавке служит, вот-вот выглянет подмигнуть. Все быть могло! Но я, понятно, о другом помыслила, о чем беглой рабыне думать и полагается.

И что делать? Бежать? В лавку зайти да вторую дверь поискать, которая на соседнюю улицу ведет? Кинжал я, понятно, не взяла, а заколкой на улице не повоюешь, случай не тот.

Стою, смотрю. И он стоит – смотрит. Не на меня, на прилавок, только не легче от того. И решила я не спешить. В случае крайнем, последнем заорать попытаюсь, на помощь позвать. Парень – не стражник, не при мече-панцире, так что добрые капуанцы ему и бока наломать могут. Чтоб к приличной девушке не приставал, лохматый! А когда решила, вновь о лице моей хозяйки, сиятельной Фабии Фистуле, задумалась. Лавочник, смекнув, уже выскочил, помощь предложил, горшочки-гребешочки расхваливать стал, но я только рукой махнула. Не суетись, мол. Сама знаю!

А чего я знаю? Вот мудрец один, лысый наверняка, ска-

занул, что мужчины и женщины – разные создания. Близко, но не одно и то же, вроде как волк и собака. Щенков давать могут, а все же не одного рода. Потому и нравом не сходны, и внешностью, и всем прочим, причем женщины от природы дикие и ума-разума лишенные.

Бред, но не совсем бред.

Мужчина каким должен быть? Какие роду нашему женскому нравятся? Одним (мне, скажем) мытые с песочком причесанные и гладко бритые. Чтобы зубы порошком фрициумом чищены были и подмышки старым козлом не благоухали. Для иных (и таких знаю) мужчина обязан быть бородат, волосат и вонюч.

...Как парень этот! Стоит? Стоит, рядышком уже!

Мужчина самим собой быть обязан, вот оно! А если его белилами намазать да румянами натереть, кому такой полюбится? Полюбится, конечно, но только не женщине.

А мы, женщины? Почему нравимся мужчинам только раскрашенными, словно статуи? Те, правда, чаще красным мажут, а нам и красный нужен, и белый, и вся радуга в придачу. И нравимся, точно знаем. Сенат римский каждые десять лет эдикты издает, матронам краситься запрещает, да где там!

...Плечом коснулся, случайно вроде. Буркнул непонятно, отвернулся.

Шагнула я к прилавку, взяла в руки первое, что заметила. Палочка кости слоновой, видом, как рука, даже с пальцами. Полезная вещь! Скальптория – вошегонялка, самая сладость

для тех, кто понимает. Зачем у лутерия мыться и в термы ходить? Сидишь в гостях – да спину при всех чешешь. Многим матронам такое по душе, сама видела.

Вот к чему меня хозяин, чтоб ему у Плутона кровью харкалось, приучил, – так это к мытью. Бил безжалостно, пока в привычку мертвую не вошло. Убежала – все равно трижды в день мылась и скреблась, хоть у пруда, хоть у колодца.

– Если ты и вправду Папия Муцила, тебе бояться нечего!

На моем родном наречии сказано. А парней лохматых-то уже трое.

* * *

– Не хотели тебя пугать. Извини!..

Козьими шкурами пахнет, овечьими тоже, чан какой-то посередине, скамейка у стены. Лавка, но другая. И двери закрыты.

– Ты из осков? Ты Папия Муцила?

Я сижу, парни стоят. Один в один, лохматые, широкоплечие, загорелые. Какой из них меня у лавки встретил, даже сказать трудно. Братья, не иначе.

– Кто спрашивает? – наконец отозвалась. Поняла – не ловцы рабов, не лихие люди, не стражники. Говор наш, оскский.

Переглянулись. Один кивнул, второй – тоже, третий лапшу вперед вытянул. Указательный палец согнутый, а на нем – перстенок. Простенький такой, медный.

Поглядела, подумала... Подумала – и отвернуться им велела. Самое ценное у меня – под туникой, в шерстяном пояске над пупком, чтоб только с мертвой сняли.

– Вот!

Поглядели...

На моей ладони – тоже перстень. Не медный только – золотой. Но похож, в одной форме лили.

Вновь переглянулись. Поклонились низко.

– Папии Муциле, госпоже нашей, здравствовать и радоваться!

Закрыла я глаза, дух перевела, улыбнулась даже.

И так бывает!

Антифон

Перстень и сейчас у меня на ладони. Тяжелый, литой. На круглой печатке – рогатый Бык, попирающий Волчицу. Дедов перстень, бабкино наследство. Сняла она перстень с дедова пальца у погребального костра консула Государства Италия. Сберегла! Словно знала – сгодится дедовой внучке. И не ей одной.

Бык и Волчица. Государство Италия – и Римская Республика.

– Еще помнишь, Гай?

– Только на греческом. Перевести не успел.

И не надо. Понимаю я греческий. Говорю плохо, а вот разбирать – все разбираю. У хозяина половина рабов в доме по-гречески говорила.

Лгут на тебя, будто ты волоса себе красишь, девица.

Черными, как они есть, куплены в лавке они.

Поглядела в зеркало (удобное, квадратное, где только гостинщик и отыскал?), усмехнулась, потом призадумалась. Мысль удачная, только парик заметят быстро. Прическа надежнее, но вот возни с нею! Особенно если не со своей – с господской. Для матроны прическа – башня осадная. Моя нынешняя, кстати, так и называлась – «гелиопола».

Вздых – очередной, то ли десятый, то ли уже двенадцатый. Сзади вздох, от окна, где Гай Фламиний, клиент сиятельной Фабии, расположился – на табурете, кресла в гостинице не нашлось. Все как в Риме, будь он неладен: матрона прической занята, а клиент-вишнеплет стихами ее развлекает. Правда, матронам «гелиополы» служанки сооружают, но тут делать нечего. Сама себе госпожа – сама и служанка. Напросилась!

А постараться придется. Этим вечером госпожа Фабия Фистула первый раз личико свое покажет. И не где-нибудь.

– Что не так, Гай?

Обернулась – и зря. Смутился парень. То ли из-за прически недостроенной, то ли из-за туники. А чем плоха? Как раз для госпожи – из коййской ткани. Дорогая, дороже нет, зато видом, словно легкий дым. И есть – и нет ее. В том-то и хитрость: сверху пала панцирем легионерским, а вот под ней...

– Гай Фламиний Не Тот! – нахмурилась я. – Если по римским обычаям положено при девушках обязательно ухать, так я тебя от этого освобождаю.

Моргнул глазами голубыми. Ямочки, ямочки!..

– При чем здесь обычай, Папия? Я... Ты...

Тут я и озлилась.

– Не намекай, не поверю! Стихи сама знаю и книжки про любовь читала. Там все быстро – Амур прицелился, стрелу достал. А дальше: полюбил, томил, молил, не мил, забыл. Верно?⁴

Краснеет, бедняга! Только меня не остановить.

– Мы едва знакомы, Гай! Стать твоим другом буду рада. А вот Амур, которого ты глазами ищешь, в окошко еще не залетал. И не залетит. Тешить тебя по-дружески не хочу. Не умею по-дружески! А если, извини, сильно чешется, так «волчиц» полно. Стаями кружат!

---

⁴ Условный перевод знаменитого латинского каламбура: **amore, more, ore, re, e.**

Зря я так!.. Вскочил, волосы светлые поправил.

– Ты... Не надо, Папия! Бывает, и сам не знаешь: любовь, просто ли влечение, дружба нежная. Может, все вместе, может, призрак того, что будет, чему случиться после. Когда увидел тебя!..

Теперь и я вздохнула, подобное услышав. Поэт, что с него взять? Подумала, в окно поглядела, время прикинула. Хватит? Да за глаза, с верхом!

– Гай!

Вздрогнул, не иначе с голосом перестаралась. Подошла к столику, взялась за клепсидру, о недостроенной «гелиополе» вспомнила. Ничего, обойдется.

– Можно проверить все, Гай Фламиний! И чувства можно. Клепсидра на столике. У стены – ложе. Я здесь!

Скользнула на пол туника ткани койийской.

– Две клепсидры – я твоя. Делай со мною, что хочешь, а я помогу. По-дружески. У меня, к сожалению, очень большой опыт, здешние девки такому никогда не научатся. Две клепсидры, Гай Фламиний! И все, навсегда, навечно, до могилы и за могилой. Дружбе нашей конец, а любить ты меня вновь сможешь, только привязанную за руки и за ноги. Недолго – откушу себе язык и задохнусь кровью. И в том клянусь тебе родными могилами и родной землей! Оск такую клятву никогда не нарушит. Выбирай, римлянин!

Из окна – горячий зной. Капли пота у него на лбу. У меня – холод на сердце.

– Прости, Папия! Я... Я сам не знаю. Прости! Не знаю...

Отвернулся, дрогнул плечами. Не стала дальше смотреть, тунику наинула. Не койискую – свою, льняную. Подошла, поцеловала парня в щеку.

– Теперь знаешь, мой Гай! Не торопи жизнь – смерть при-
мчится. А ты и я долго жить должны, очень-очень долго, мой
Гай!

Кивнул, улыбнуться попытался.

– Пойду, наверно!

– Ну уж нет, Гай Фламиний! – усмехнулась я. – Мужчины
не должны сдаваться. Сейчас ты нальешь из кувшина немно-
го вина, глотнем с тобой неразбавленного, а потом ты будешь
рассказывать о поэзии. Нет, прямо сейчас и приступай! Кув-
шин на полу, у ложа. Начинай, не оглядывайся!

Постоял, затвердел скулами (прощайте, ямочки!). Блесну-
ли глаза.

– Неразбавленного? Вот уж ни к чему!

Кабы попался ты мне на такие же плутни, трактирщик!

Воду даешь ты, а сам чистое тянешь вино!

Кажется, не ошиблась я в этом парне!

– А что до поэзии... Я уже тебе говорил, Папия: нет у
нас, римлян, поэзии. Невий с его архаикой, которую сейчас
смешно читать, Гай Луцилий – и все. Поэтому мы с другом
моим Титом Лукрецием Каром...

Антифон

Его голос слышу до сих пор – красивый, мягкий. Лукреций Кар и Марк Туллий, друзья Гая, очень любили его стихи. Марк Туллий все повторял: «Слова, слова! Откуда Гай берет слова?»

С Марком Туллием Цицероном мы враги. Навечно! Я не простила, даже узнав, как страшно убивали его озверевшие легионеры Антония.

– Учитель! – спросила я однажды. – Сколько раз прощать врагу моему, согрешающему против меня? Не до семи ли раз?

– Не говорю тебе: до семи раз, – покачал головой Он, – но до седмижды семидесяти.

– Четыре девяносто раз? – поразилась я.

– Да! Но на четыреста девяносто первый – сокруши кости его, разметай прах по ветру – и перебей его род до седьмого колена!

* * *

Жабу уберите, жабу!!!

Умереть бы. Или уже умерла? Если умерла, зачем жабу в живот засунули? Больно!

– Папия, Папия, что с тобой?

– Госпожа Папия, да простит мне твой гений, встать бы тебе.

Жабу, жабу зачем, ненавижу жаб! В животе жаба, в горле жаба, булькает... Или это я булькаю?

– Папия, сейчас я лекаря...

– Остынь, господин Фламиний. Лекаря! Еще скажи, фармакопола драного! Эх, отпустили девчонку одну!..

Гай с Аяксом рядом, но я их не вижу, все из-за жабы, из-за трех жаб, дюжины, двух дюжин...

– Ты вот чего, мой господин! Беги-ка в лавку соседнюю да вели «утреннего нектара» горшок принести. Полный! Видал, как наразбавлялась!.. Ей пора завтрак сюда волочь, того и гляди удивятся, чего о хозяйке позабыла.

Ничего, Аякс, ничего, сейчас открою глаза, встану, сойду вниз, потребую горячей воды и завтрак для сиятельной, пропади она пропадом, Фабии Фистулы. Со мной все в порядке, все помню, только не понимаю, откуда жабы, я не глотала никаких жаб...

Не глотала. Но лучше бы проглотила.

* * *

В школу Батиата одной идти было нельзя, не поймут – и не оценят. На свободную трапезу перед завтрашним боем пожаловать изволит не кто-нибудь – сама светлейшая Фабия,

гость Капуи! Первый мой (и ее!) выход в люди. К гладиаторам – потому что там римских глаз меньше, если ошибусь в чем, не беда. Нравы простые, извинят.

И еще одна причина имелась.

Одной идти было нельзя, но ни Аякса, ни Гая я решила не брать. Аякс на виду слишком, знают его все, значит, и мною не в меру заинтересуются. А вот поэта взять стоило, да удержало что-то. Шла я туда не для бесед о Невии и Луцилии.

– Простые там порядки, госпожа Папия, верно. Простые – но твердые. Кто поит-кормит, тот и хозяин. Угощает, конечно, устроитель игр, но и гости стараться должны.

Решилось все быстро. Вино и снедь Аякса купить попросила, все равно ему лучше знать, что и как. В помощь себе парня наняла, крепкого и с дубиной. Не из гладиаторов, чтобы вопросов меньше. А слушок по школе заранее пущен был: мол, есть такая сиятельная из Рима, гладиаторов любит и в гости придет. И здесь без одноглазого не обошлось.

– И еще, госпожа Папия. За столом – ничего лишнего, только словами можно. И пересаживаться не принято, уж не знаю почему. Чашу вина послать или там здоровье выпить – сколько угодно. А как все из-за стола встанут, светильники гасить начнут, вот тогда уж в полную волю можно. Гладиатор гостью без приглашения и пальцем не тронет. Кому на крест охота? Так что сама она должна подойти и сказать: проводи меня, мой гладиатор! Или даже попроще чего... Госпожа Папия, я же так, на всякий случай! Ничего в виду не имею,

Геркулесом клянусь!..

То, что школу Батиата Аякс мне не только словами описал, но и на табличке нарисовал, и так понятно. Гай тоже не подвел – припомнил несколько стишат про гладиаторскую доблесть да храбрость. Вдруг пригодятся?

Помогали мне, старались, под руки, можно сказать, вели. И что в итоге? Лежу пластом на подстилке, грязная, полудохлая, с жабами во всех местах сразу. Навоевалась! Наразбавлялась, как Аякс выразился. Полный разгром, словно при Каннах. Или все-таки не совсем?

Не кое-что даже, больше. Если бы не жабы!

* * *

Каст – Марсова племени утеха.
Эномай может по-всякому сражаться.
Ганник – школы нашей страх и ужас.
Крикс – и гладиатор, и учитель.
Вибий смерть собою замещает.
Сир с любым оружием побеждает...

Двор квадратом – огромный, камнем неровным мощный, колонны дорические, ворота в железе. Посредине стол тем же квадратом и ложа, шерстяными покрывалами устланные. Все как Аякс рассказывал.

Гай Фламиний зря старался – Невии и Луции и без него

в здешних местах водились. Бесконечная поэма (воску б в уши!), в которой перечислялись чуть ли не все ученики школы Батиата, читалась уже третью клепсидру.

За столом было скучно – по крайней мере, мне. Матроне на таких пиршествах полагалось не сидеть, а восседать, не пить, а испивать, не веселиться – вид принимать.

Пока горят светильники, если все тому же одноглазому верить.

Вид я приняла, покрывало на голове поправила (белила – белилами, а опаска есть), локтем на край стола оперлась.

Восседаю.

Чаша с вином под носом, справа омар клешней грозит, слева рыбы хвост кажут. Но – не естся и не пьется. Бахус его знает почему! То ли восседать да испивать не привыкла, то ли из-за того, что пирую с покойниками. Как там Аякс говорил? Завтра половина свободными станет...

А так, ничего особенного. Видела я, как гуртовщики гуляют, как сукновалы, как грузчики. Любят итальянцы у стола собраться, был вы повод! Потому-то у всех на такой случай казна заведена. По закону – для поминок и похорон, а на деле именно для этого. У Плутона не погуляешь.

И соседи попались скучные. Справа от меня (ближе к омару) – некто пожилой, виду явно не гладиаторского, с брюшком изрядным. Но и не чужак, наверняка из школы, дабы гостье знатной все вокруг пояснять и разъяснять. Слева даже не сосед – соседка, тоже гостья, но ее я и рассматривать не

стала. Не из сиятельных, точно. И даже не из совершеннейших. А до остальных госпоже Фабии дела нет.

Едят, пьют, возглашают, поэма, кажется, кончилась. А много бойцов у Батиата! Сколько именно, спрашивать не стала, успеется. Лишь поинтересовалась у соседа с брюхом, кто таков «и гладиатор, и учитель Крикс»? Имя уж больно приметное. «Носящий Браслет» – наше, оскское.

Оказалось – ничего особенного. Гладиатор. «Галл», опытный, двадцать побед, пять ранений, дважды отпущен с арены «стоящим». Иногда заменяет рудиария, потому и учитель.

Запомнила.

Амфоры и кожаные мехи пустели, чаши пустели, разговор криками сменяться стал, песню затянули, кто-то с ложа скатился и в сторонку – облегчаться. Кажется, пора. Шепнула соседу, тот кивнул, кого-то подманил...

– Сиятельная Фабия Фистула отсылает победную чашу славному бойцу и победителю Эномаю!

Вот! За тем и шла – себя проверить. И не только себя.

Моя победная чаша – не первая за вечер, негоже сиятельной спешить. Но – услышали, закричали, какой-то парень слева встал. И я встала – победителю, что мне пятьсот се-стерциев принес, улыбнуться. Глазами поискала, нашла.

Охнула. Не хуже моего Гая охнула! Ахнула даже. Видела я парней всяких, видела красивых, видела таких, за которыми девицы табунами бегали...

Бог стоял у стола.

И не в том дело, что белокурый, что плечи тунику рвут, что лицо – как у Аполлона в храме на Палатине...

Холодно мне стало, жарко стало, в животе жаба зашевелилась (первая жаба!), под животом тоже.

Легенду слыхала, глупую очень. Будто люди когда-то на женщин и мужчин не делились, у каждого все разом имелось. А потом боги людей пополам развели. И вот ищет одна половинка другую, найти не может. А если уж найдет!.. Глупо, конечно. Только в тот миг мне это глупым не показалось.

Стоит бог, мне кивает, улыбается, отвечает что-то, чашу берет. Делать нечего – улыбнулась в ответ и на ложе бухнулась. Подумала... Потом на светильники поглядела. Как там Аякс советовал? «Проводи меня, мой гладиатор»?

И тут еще одна жаба квакнула. Слово себе я дала, давно уже, парням не навязываться. И вообще, не навязываться ни в чем и никому. Последнее, что у меня осталось – гордость. Что б со мною ни делали, в какой грязи ни купали, но гордость осталась. Я – это я, моя воля – моя!

Приподнялась с ложа, глазами бога белокурого отыскала. Да гори огнем она, огнем, гордость!

А тут и светильники потушили.

* * *

Понятно, опоздала – в моего бога целых две «волчицы» вцепились. И у них, видать, в животах и ниже жабы квакали.

Вцепились, руками оплели, губами тянутся.

И что делать сиятельной Фабии Фистуле? Стоит римлянка знатная в палле и покрывале, как последняя дура...

Недолго стояла, конечно. Вперед шагнула, «волчицы» в стороны прыснули. Я руку к его лицу протянула, комок в горле проглотила.

– Проводи меня, мой гладиатор!

Даже не поглядел. Лицо мраморным стало, точно у статуи на Палатине. Чуть подбородком двинул. Поняла я – терять нечего. Обхватила его руками, ладонями по тунике скользнула. Гори, моя гордость, огнем пылай!

– Катись отсюда, волчица римская!

Еле слышно сказал, одними губами, только я-то услышала.

– Катись к Харону, у меня подстилок хватает! Да не просто катись!..

Прилипли ладони мои к его тунике, отлипнуть не могут, а бог мой знай себе объясняет сиятельной подстилке, куда и как ей катиться надлежит. Подробно очень.

А вокруг – смех. Негромкий, конечно.

* * *

За воротами школы скинула я паллу, украшения сняла, все это вместе с сандалиями парню с дубиной кинула, велев в «Красный слон» отнести. Хорошо еще, туника на мне обыч-

ная, не стала койскую надевать.

Парня отослала, одна осталась.

Видели, все видели! Двор, хоть и большой, только народу много, разойтись никто не успел. Красиво со стороны – разряженная матрона мелкой рысью к гладиатору спешит, ручками белыми его обнимает...

Не меня оплевали – Фабию Фистулу, конечно. Но получается, что меня тоже. И надо же такому случиться! Чуть ли не впервые парень приглянулся. И не приглянулся даже, слова нужного не знаю, разве что у Гая Фламиния спросить.

Побрела я по улице темной. Босая. Оплеванная. Хорошо еще, догадалась «гелиополю» на голове распустить, а заколки за пояс сунуть.

* * *

– Эй, девочка, куда спешишь?

Еще и это! Ночь, темень, пустая улица... Не совсем пустая, конечно. Рядом таберна огнями светит, парни прямо у входа на табуретах восседают. Один не восседает – дорогу заступил. Вид знакомый: плащ из шкур козых, борода, босой, как и я. Не из Капуи, понятное дело, пришлый.

– Повеселимся? Десять ассов дам.

Пригляделась. Не душегуб, и то хорошо, просто повеселиться хочет. Ну что, сиятельная Фабия? Десять ассов – деньги, «волчицы» по пять идут.

– Десять всего?

Ближе шагнул, присмотрелся.

– Ну... Гулять так гулять! Два сестерция! Только, чтобы до утра – и на все соглашаться. Идет?

Заквакали жабы, дюжина целая, по всему телу лапами погаными задвигали. Вот тебе и цена, девочка. И то до утра. За заколку взяться?

Взялась за кошель.

– Ауреус, золотой. Настоящий, зубами куснуть можешь. Только чтоб до утра – и на все соглашаться. Захочу – уд твой веревкой перевяжу, захочу – ногами бить стану. Или в рот тебе нужду справлю. Ну как?

– Да ты чего, девочка?

Отступил на шаг – а я прямо на него. Золотой кругляш на ладони.

– Струсил, бородатый, ремень свой мокрый бережешь? Все вы такие, катились бы вы, мужики, к Харону, да не просто катились...

Громко получилось. Услыхали парни с табуретов, встали, ближе подошли. Долго, долго слушали. Затем переглянулись, поглядели серьезно.

– Знатно дорогу поясняешь, красавица, знатно, без дорожника обойтись можно. Завидно даже! Да что с тобой, хорошая? Или с парнем своим повздорила?

Золотой в кулаке сжала, плечами дернула. Или не видно? Вновь друг на друга поглядели. Подумали.

– А пошли-ка выпьем! По-нашему, как в горах пьют. Это у вас в городе воду водой разбавляют, а у нас... Только скажи, куда тебя после отнести.

Выпить? Не разбавляя? Ночью? С полудюжиной парней? Да с удовольствием!

* * *

– Гуртовщики мы, Папия, стадо с рук сбыли, завтра уходим.

– Из Апулии я, Публипор. Раб, конечно, или по имени не видно?

– А парню своему ты тоже дорогу разъясни, поосновательнее только.

– Я тебе, дочка, вот что скажу. Ты, по всему видать, девка боевая, значит, тебе такой и нужен – боевой. А он, парень твой, не иначе, медуза синяя.

– Оно и не жалуемся мы, доход имеем. С хозяевами делимся по уговору, как заведено. Только римляне проклятые совсем житья не дают. На равнинах стада пасти нельзя, виллы там с виноградниками. И в предгорьях нельзя – хозяева римские свои стада нагнали. И пастухов прислали, с севера, из Этрурии и Пицена.

– Говори при ней, она же не римлянка, или не видишь?

– А еще колонисты, от Суллы которые. Ну, я тебе скажу, Папия, хуже нет народу! Передушил бы, а после руки уку-

сом винным вымыл.

– Нет, нам что Рим, что Государство Италия – едино. Ты, дочка, те времена не помнишь, а я чуток застал. Ну провозгласили Беневент столицей, ну консулов выбрали. И что? Был я рабом, рабом и остался.

– А хорошо бы римлян – да к ногтю!

– Ноготь у тебя больно короткий!

– Найти меня просто, Папия. Стадо какое увидишь, так и передай старшему гуртовщику, что мне восточку шлешь. Публипора все знают, по всему югу. Ты не думай, стада медленно идут, а вести птицами летят.

– Эй, парни, девку волочь пора. Куда она сказала? К какому такому слону?

* * *

Открыла глаза, смахнула ладонью ближайшую жабу, в белый потолок поглядела.

– Воды...

– Ты не спеши, госпожа Папия. – Аяксов голос слева. – Сейчас господин Гай «утренний нектар» принесет. Полезное, скажу тебе, питье, сразу на ноги ставит. А воду, знаешь, после такого лучше не потреблять.

Настолько разозлилась, что вскочить смогла. Метнулись жабы во все стороны, словно не жабы – саранча. Да что такого случилось, дуреха? Ну отправил храбрый парень Эномай

римскую подстилку в нужном направлении, ну оценили красивую девку в два сестерция, ну напилась, как гуртовщик...

– Не для питья воды! Мыться! И побыстрее.

Скинула тунику, рукой по волосам провела. И мыться, и голову мыть, каждый волосок тереть.

...А еще узнать у одноглазого про Крикса, сходить в лавку, где козьими шкурами пахнет, о Публипоре-апулийце рассказать. А еще...

– Аякс, помнишь Эномая, который нам пятьсот сестерций принес? Как ты говорил, его убили? Трезубцем в живот? Точно?

На животе у моего бога – шрам. Страшный, огромный. У меня даже ладонь дрогнула.

Антифон

Потом, много позже, я спросила Учителя, помогал ли Он мне в Капуе. Слишком удачно все получалось. Быстро слишком.

– Не у тебя получалось, – возразил Он. – И не быстро. Много лет уцелевшие мечтали возродить государство Италия. Много лет рабы ненавидели господ. Много лет гладиаторы умирали на арене. Много лет римляне гневили и людей, и богов.

– А я, Учитель? Зачем была нужна я?

Задумался, помолчал.

– Потому, что почти всем было еще что терять, Папия. Тебе – уже нет. Камень, который отвергли строители, сделался главою угла. Всякий, кто споткнется об этот камень, разобьется, а на кого упадет этот камень, того раздавит!

* * *

Я тебе яблоко бросил. Подняв его, если готова
Ты полюбить меня, в дар девственность мне принеси...

– Наглец! – вздохнула я, ловя ловко брошенную мне винную ягоду. Яблони, увы, еще только отцвели.

Если ж не хочешь, то все же возьми себе яблоко – только,
Взяв, пораздумай над тем, как наша юность кратка.

Солнышко, травка, тенек, край широкого покрывала слегка завернулся, рыжий муравей деловито заглянул в глиняную чашу. Вдали – покрытый лесом Везувий с серой плоской макушкой.

– Это не я наглец. – Гай Фламиний виновато развел руками. – Это Платон, философ греческий. Но я хорошо перевел, даже слов столько же. Ну на одно меньше, правда...

Дорога на Капую в стороне, где-то за деревьями у носилок дремлет наша свита, опустошив полный мех местной кислятины. А мы здесь. Я и поэт.

– Это Платон про женщин гадости говорил? – заинтересовалась я. – Что мы – звери, да еще разума лишённые?

Легкий смех в ответ. В мою сторону летит очередная ягода.

– Не он. Платон девушками не очень увлекался. Больше...

– Бабушками, – поняла я. – И такое видела, приходилось.

Гай не спеша потянулся, привстал, поглядел туда, где зеленым пифосом возвышался Везувий.

– Чем бабушки провинились? И бабушки чувствовать умеют!

Кто же не знает любви и не знает восторгов Венеры?

Кто воспретит согреть в теплой постели тела?

На мне туника, всем туникам туника – синяя, с малиновым узором по краям. Утритесь сиятельные и совершеннейшие! Сама искала, сама последнюю у торговца-сирийцахватила. Раз уж решили мы с Гаем из Капуи выбраться и на травке поваляться, не надевать же мне койское непотребство.

А на травке и мне лежать можно, опушка роши, хвала богам, не триклиний на Авентине.

– Не совсем бабушками, Папия. Он...

– Будто не знаю, – хмыкнула. – Это вы, мужчины, дикие и разума лишённые. Друг на друга кидаетесь, ни одного смазливой мальчишки не пропускаете!

– Голос дикарки! – В этот день поэта пронять трудно. – Мудрецы...

– Лысые! – уточнила я.

– Считают любовь между мужчинами истинной, возвышенной, не связанной с зовом природы. Да и вы, женщины... Вот послушай! Перевел пока первые строчки.

Богу равным кажется мне по счастью
Человек, который так близко-близко
Пред тобой сидит, твой звучащий нежно
Слушает голос.

– И что? – удивилась я. – Такие же слюни, как и все остальное.

– Но кто писал? – Гай опрокинулся на живот, взглянул прямо в глаза, подмигнул. – Бабушка писала! Старая вредная бабушка. Глядела на аппетитную девочку – и пускала слюнки. Ага!

– Вот тебе!

Винная ягода врезалась поэту в лоб.

– Страдаю за служение Музам! – Гай вновь повернулся на бок, поглядел на белесое от жары небо. – И все равно выполняю свой долг – заставлю их, Муз Геликонских, заговорить по-латыни!

– Ерундой занимаешься! – вздохнула я. – Хотя... Занимайся и дальше, мой Гай! Сочиняй про девочек, про птичек, про коровок с бычками. Хоть про слоников! Лучше так, чем

как остальные... Ваши!

Антифон

Я гляжу из своего страшного далека, из пропасти Сатурна-Времени, на себя – девчонку в мятой синей тунике, подвязавшую темные волосы широкой пурпурной лентой. Мирное небо над головой, вкус кислого вина на губах, замечательный парень совсем близко – протяни руку, дотронься... Было. Нет. Не будет никогда. Цветная смальта на сером надгробии.

Не это страшно. Иное не отпускает, берedit душу. Вернись я сейчас туда, под небо Кампании, прямо на покрывало, усыпанное винными ягодами. Изменила бы хоть что-то? Зная и помня все, что скоро настанет?

Знаю – нет! И это действительно страшно.

А будущее уже подступало, надвигалось близкой тенью...

* * *

– Тебя Юлия Либертина в гости пригласит. Скоро. Она вчера мне сказала. Пойдешь?

– Которая Юлия? Что плащ тебе к зиме обещала? Пойду, Гай. Сиятельной Фабии такое знакомство не повредит. Полезно!

– Папия... Не знаю, что ты задумала, но... Когда все кончится, ты... Ты согласишься стать моей женой? Нет, нет, не отвечай, я знаю ответ! Неужели потому, что я римлянин? Из-за этого?

– Из-за этого тоже.

Теперь мы лежим рядом, глядя в небо, и, странное дело, не только я, но и легкомысленный клиент Геликонских Муз напрочь забыл о брошенных яблоках и нежно звучащем голосе. Наши слова тяжелеют, наливаются свинцом.

– Ты ненавидишь Рим, Папия, но его победа справедлива.

– Угу.

– Мы... Римляне честно воевали! Боги, Судьба, называй как хочешь, давали равную возможность всем, всем народам и странам. И грекам, и пунийцам, и твоим оскам, и остальным. Римляне победили...

– ...Потому что были доблестнее, храбрее и сплоченнее?

Светло-лазоревоe небо темнеет, горячий воздух отдает сыростью, молодое вино – болотом. Мы оба знаем, что дальше станет хуже, наш разговор ни к чему, ни он, ни я не виновны к крови, пролитой предками. Но замолчать мы не в силах – ни он, ни я.

– Доблесть – убивать пленных? Храбрость – сжигать города? А ваша сплоченность, Гай? В Риме может жить только безумец! Чем гордитесь? Отец убивает сыновей, брат – сестру, правитель режет тысячи невинных? Вы хуже зверей, Гай, звери не едят сородичей!

– И все же мы победили, Папия. Я не горжусь такой победой, иногда мне становится стыдно, иногда – тошно. Но мы победили, еще немного – и вся Ойкумена станет нашей. Значит, именно мы оказались правы. Ты возненавидишь меня за эти слова, Папия, но это так.

А главное – страшное уже совсем близко, рядом, и мне вдруг кажется, что не мы – наши деды, одетые в сверкающие панцири, разговаривают перед боем, тем самым, последним. Слова уже ничего не значат, но не так легко нанести первый удар, увидеть первую кровь, забыть, что рядом с тобой – человек. Такой же, как ты.

– Мне не за что ненавидеть тебя, мой Гай! Но ты римлянин и останешься римлянином. Это Судьба, та самая, которую ты поминал. Ничего не могу сказать, лишь прошу: беги! Беги, хороший римский парень – из Капуи, из Рима, из вашей Ойкумены. Заберись к гипербореям, есть, говорят, такие, переводы своих греков...

– Я не убегу, моя Папия.

– Тогда слушай...

Антифон

– Знаю, Учитель. Мы, оски, поклоняемся тысячам богов, но главный Он – Диовис Сверкающий.

– Диус Патер, Юпитер, Деус Патар, Зевс...

– Но это не Имя! Отец богов – не имя, так?

– Умница, обезьянка... Не обижайся, что зову тебя так! Я тоже когда-то обиделся на... обезьяну. И даже не стал ей кланяться.

– Кланяться? Ты?!

– Потом, потом... Не это важно. Важно то, что Отец, какими именами вы, люди, Его ни зовете, любит вас, свои создания, неодинаково.

– Но это несправедливо! Это...

– Отец выше справедливости. Отец не может ошибаться, поскольку мир – это и есть Он. Но такое и вправду обидно. Из тысяч племен избрать одно, дать ему Свое благословение, разить его врагов, хотя враги эти порой и честнее, и добрее. И такому, выбранному Им племени, Отец дает власть над миром. Их несколько, избранных, но одно ты слишком хорошо знаешь.

– Римляне?! Они... Избранное племя? Избранное Твоим Отцом?! Нет, нет, нет!.. Не хочу ничего слушать, верни меня туда, в ночь, в Твой проклятый храм, чтобы наутро меня поймали и распяли на кресте! Я бы умирала, задыхалась, но все же верила бы, что волк будет выть на Капитолии!..

– Я расскажу тебе притчу.

– Не хочу Твоих притч! Не хочу!..

* * *

– Я расскажу тебе притчу, мой Гай... Некий господин

имел в доме многих рабов, одного же отличал против иных. И дал он рабу этому власть над домом и над рабами прочими, и все ключи, и все сокровища свои. И был тот раб у самого сердца его. Однажды решил господин отправиться в некое дальнее царство, посему собрал рабов своих и заповедал им верность ему блюсти, и сокровища не расточать, и чужих в дом не пускать. Рабы же, господина проводив, возрадовались в сердце своем, сказав: вот наш хозяин уехал и не вернется более, а потому сделаем все по воле своей. И принялись они расточать сокровища, и в дом чужих приводить, и все им порученное разорять. Когда же господин вернулся, увидел свершенное рабами своими, вызвал он раба любимого, сказав: «Вот уехал я, ты же дом мой погубил, чужим людям отдав и сокровища расточив». И воскликнул тот: «Господин, не один я грешен!» Господин же ответил: «Тебя отличал я против иных, тебе дал власть над домом и над рабами прочими, и все ключи, и все сокровища свои. Ты был у самого сердца моего. Иных прощу, потому как не за что им любить меня, ты же, раб неверный, лукавый, истинно говорю, проклянешь час рождения своего!»

* * *

Месяц Юноны за плотными ставнями, добрые капуанцы по домам прячутся, вечера ждут. Давно такой жары в Капуе не было, старики столетние не помнят. Опустели улицы, по-

желтели листья редких деревьев, попрятались обезумевшие собаки в нестойкую тень. Хороший хозяин в такую жару осла на улицу не выпустит. И плохой не выпустит. Не поспоришь с Юноной Заступницей! Жди вечера, на подстилке соломенной лежи, в потолок гляди. А ведь Каникулы еще впереди, какими будут – подумать страшно.

И мы с богиней не спорим. Ставни на крючке, полутьма, кожаный мех с кислым вином на столе колченогом – Юнону Милосердную помянуть. Козьими шкурами пахнет, овечьими тоже, чан какой-то посередине, скамейка у стены...

– Плохо, что ты своим именем назвалась, Папия! Наших, осков, в Капуе немало и самнитов с кампанцами немало. Многие тоги носят, а что под тогой, Плутон разберет. Иной в душе помочь готов, а иной к префекту побежит.

Те же три парня, только без плащей мохнатых, в туниках льняных. Даже бородачей жара догнала. Не ошиблась я – братья: Ресу, Реса и Ресий. Что имена, что сами – почти близнецы. До сих пор путаю, только бородачи не обижаются. «Зови Рес, не ошибешься», – хмыкают. Тот, что сейчас говорит, – Рес Старший.

– Сенатор один есть, не римский – наш, капуанский. Самнит или оск, местный, в общем, а имя римское, нос вверх дерет, ровно Сулла. Но вот вчера меня увидел, велел подзвать, да и шепчет: «Внучка консула, говорят, в город приехала. Может, помочь чем?» Испугался предатель, тогу, поди, обмочил!

– Помог? – усмехнулась я.

– Подкинул малость. Пригодится!

– А все-таки опасно, госпожа Папия! – гудит Рес Средний. – Хозяйка твоя как? Не выдаст?

Не выдаст ли хозяйка госпожу? Забавно! Хоть и просила парней так меня не величать, стыдно перед своими, а все равно – прорывается порой.

– Твоя Фабия весь город насмешила, – это уже Рес Младший. – Представляешь, Папия, пошла она к гладиаторам, по мужскому уду соскучилась, поди, а Эномай-«галл», победитель который, пинком под гузно ее спровадил! На четырех костях уползала!

Ой!..

Хохочут бородачи, весело им, уцелевшим оскам. Хоть в чем-то досадили проклятой Волчице.

– Да с римлянкой дело иметь, что с козой! Их, матрон этих, говорят, только в это гузно и... Э-э-э... Извини, Папия!

Хорошо, что полумрак, что лучик света сквозь ставни прорвался. В полной тьме уши мои давно бы уже светились – красным огнем.

– А есть еще байка такая. Возвращается оск из лесу, рассказывает. Иду, говорит, и вижу римлянина. А у меня в колчане – всего одна стрела. Достая лук, прицеливаюсь...

Про сиятельную Фабию Фистулу парни знают не больше прочих. И хорошо, пусть пока смеются. С именем же удачно вышло. Я же ничего не задумывала, проговорила про-

сто, когда Аяксу и всем прочим назвалась. А какое эхо! Не страшно, ищут не Папию Муцилу, внучку консула, – рабыню Терцию ищут, так я в списках хозяйских значусь. Не любят римляне имена наши запоминать. Пусть ищут!

– ...Попал, значит! А тут – второй римлянин, его тоже – наповал, затем третий... Оску говорят, мол, у тебя же стрела всего одна. А он: зато как я их ненавижу!

Смеются ребята – и я с ними. Почему бы не посмеяться, времени – полная клепсидра, огромная, с винный пифос величиной. Прикроешь глаза – и представляешь, будто не в Капuae ты – в лесу где-нибудь на склонах Апеннин, среди бойцов войска Италии. Сидим под деревьями, травим байки, а завтра в бой.

После смерти деда, когда пал Беневент, долго еще оски в лесах сражались. Говорят, лишь совсем недавно последних на крест приколотили...

– А вот еще, госпожа Папия. Умирает старый самнит – и прошение подает в Сенат, чтобы ему, значит, римское гражданство дали. Родичи удивляются, а он говорит: «Это для того, чтобы, когда помру, одним римлянином меньше стало!»

Смеемся, смеемся... Сколько я таких баек переслушала в хозяйском доме! И галлы рассказывали, и греки, и сарды. Если бы ненависть водой стала, все семь римских холмов затопило бы – поверх крыш Капитолия!..

– А почему римляне маслины в соусе не едят? Да потому, что у них голова в амфору не пролазит!..

Смеемся.

* * *

– Про Крикса и про иное, о чем ты спрашивала, узнали. Но после расскажем, сейчас о главном самом. У нас, госпожа Папия, консул был. Марий, когда с самнитами и прочими договорился, чтоб против Суллы воевать, твердо обещал: один консул римский будет, а второй – от Италии. Чтоб, значит, справедливо.

– Жалко, помер Марий! Без него наших быстро расколо-тили!

– Да погоди, Ресий, не встревай! Вот мы и выбрали. Имя в тайне держали, до срока...

– А Марий возьми и помри!..

– Не лезь, говорю! Можно подумать, госпожа Папия не знает. Марий умер, Сулла вернулся, самнитов у Коллинских ворот разбили и перерезали...

– Десять тысяч пленных Сулла перебил! Десять тысяч! Сенат проклятый – и тот испугался.

– И ты, Реса, не встревай! И хоть разорили землю нашу всеконечно, а все одно – консул был, и префекты тайные были чуть ли не в каждом городе. Вроде как под землю Государство Италия ушло. Только помирают старики, а молодые воевать с Римом уже не хотят. Кто боится, а кто и взаправду римлянином стал.

– А консул год назад погиб. Берегли его – а погиб!

– Верно, Ресий, не уберегли. Так что, Папия, главного у нас сейчас и нет. А потому скажи, да не утаивай: от кого пришла ты, зачем, а главное – делать нам чего?

Пыльная Капуя, месяц Юноны за плотно закрытыми ставнями, скамейка у стены, чан посередине, козьими шкурами пахнет, овечьими тоже...

Государство Италия.

* * *

– А давай, Аякс, на рисунок поглядим – тот, на котором школа Батиата. Что-то я не все поняла. Вот здесь, справа от ворот...

Антифон

– Учитель, – спросила я. – Называешь Ты людей обезьянами, тогда почему Ты пришел к обезьянам? Почему не пришел ко львам?

– Львы не так опасны, – ответил Он. – И не к вам Я пришел, а на Землю, которую вы замарали. К таким, как вы, захочет прийти только Мой брат. Вот с ним и наплачетесь!

– Да простит мне твой гений, господин! Я не хотела!..

Надо же, нарвалась! Точнее, наткнулась.

– Я измазала господину тогу! Я заплачу, за все заплачу, у меня деньги есть!..

И опять только я виновата. Кто же меня гнал по улице? Закрывалась лавка, так в соседнюю зашла бы, ног не сбила.

Горшок с маслинами – теми самыми, что римляне не едят, в соусе. И римлянин – в тоге. Горшок на земле, маслины и прочее, что прикупить успела, тоже, а на тоге...

– Прошу господина...

– Да что ты? Пустяки! Давай помогу. Да!

Поглядела... Молодой, Гая немногим старше, стрижка военная, короткая, а нос, наоборот, вроде копья-пилума. Но, если вместе сложить – ничего выходит. Приятный парень.

Улыбается.

– Хозяйка в лавку послала? Да? Да! Подставляй сумку!

Хлеб, еще горячий, капуста, винные ягоды, пара луковиц. К ужину купила, надоело похлебку, что в таберне варят, хлебать. И странно выходит – служанка при хозяйке, а ужинает одна.

– Все? Вот еще. Да. Убежала. Не убежит! Нет!

Крепкая рука уверенно отправила винную ягоду в сумку. Ударил ладонь о ладонь, пыль стряхивая. Я же на тогу смотрю.

рела. Большое пятно, а тога дорогая, тонкой шерсти, немало стоит. Заплатить – заплачу, только... Римлянин! Потащит рабыню, что честь его маслом замарала, к префекту.

– Феликс Помпеян! – Парень улыбнулся. – Тогу – игнорировать. Не люблю! Не ношу. На тогу панцирь не налезает. Да! Бездельники носят. В Риме. Речи говорят. Дезертиры. Да! Облила – правильно!

Даже так? А парень и вправду ничего, только вот римлянин.

– Из Помпей, что из имени следует. Со всей очевидностью. Да! Местный. Горжусь!

– Я... Я Папия. Папия Муцила.

Какой же к воронам он римлянин? Оск, самый настоящий. Везет на родню! Хотя чему удивляться? Наша земля, и город наш. Все наше – только в тоге.

– Конный декурион в отпуске. Да! Могу ли пригласить...

Сразу вояку видно, с двух слов – и на приступ. Поглядела я на маслины несчастные, затем на сумку с капустой.

– Хозяйку – тоже игнорировать! – уловил он мой взгляд. – Да! Если что – объясню лично. На коне приеду. Да!

Ну, если на коне...

* * *

Чем хороша Капуя вечером, так это табернами. На каждой улице – по дюжине. Подходи прямо к прилавку, на табу-

рет садись, ешь да пей – и болтай вволю. Не для римлян все это, конечно, им ложе подавай, а местные – народ неприхотливый. Фалернского с цекубским тут не нальют, и не надо. Своим опять-таки обойдемся. Массикское, между прочим, ничем не хуже.

– ...Митридат Евпатор! Да! Воюем. Давно!

Глиняная чаша ударила в столешницу. Надо же, не разбилась. Бывают чудеса на свете.

– Митридат – царь Понта. Понт – это Азия. Да! Азия – далеко. Морем. Порты Брундизий, Бари и Тарент. Сушей еще дальше. Через Фракию. Нет. Во Фракии тоже война. Там фракийцы. С гладиаторами не путать. Да!

Разошелся конный декурион, не остановишь. Я и не пыталась. Немало земляков встречать доводилось, а вот с военными судьба еще не сталкивала. Интересно даже.

– Напал! В третий раз. Вероломно. На город Кизик. Оскорбление величия римского народа. Да! Повод к войне! Войско Митридата большое. Состоит из пехоты, конницы, колесниц и пиратов. Да. Докладываю по порядку. Пехота царства Понт набирается из обитателей гор и предгорий упомянутой Азии, именуемых белыми сирийцами, пафлагонцами, каппадокийцами...

Со всех сторон на нас поглядывали с интересом (громко докладывал декурион, с чувством), но и с немалой осторожностью. Вояка хоть в тоге и не при оружии, но мало ли? Спущает после третьей чаши капуанцев с капподокийцами, дока-

зывает потом, что ты не Митридат!

– Значит, в Азии война? – решила уточнить.

Красивые узкие брови взлетели вверх. Видать, не то спросила.

– Удивлен! Поражен! Да! Да! Да! Народ должен знать. Предложу военному трибуну вывешивать сводки в каждом городе. На форуме. Да! Крупными буквами на местных наречиях. Война, Папия Муцила. Настоящая, как полагается. Мы их бьем, они нас бьют.

– А кого чаще? – вновь рискнула я. Вдруг обидится?

– С переменным успехом! Да! Очень переменным, Папия Муцила. Неблагоприятные условия. Горы, предгорья. Наличие отсутствия военных дорог. Численное преимущество противника. Да! А также присутствие иных объектов приложения военных усилий Римской Республики.

От ушей отскакивало, в голове звенело, но перевести было можно. Война в Азии, большая война. Завязла пасть Волчицы в горах Понта. А про «иные объекты» я и без декуриона знала. Во Фракии воюют, в Иберии, где Серторий-марианец, еще на море с пиратами.

...Теми самыми – киликийцами. До сих пор от слова этого мурашки по коже.

– Судя по последним сводкам и непроверенным слухам, рискну предположить, что успех очень переменный не в нашу пользу! Нет!

Плохи дела у Волчицы Римской. Пасть завязла, три лапы

в капканах. Сколько лап у волка?

* * *

— К хозяйке пора, Феликс, — вздохнула я, на окна «Красного слона» кивая. — Ты — свободный, я — рабыня, сам понимаешь.

За разговором до самой ночи просидели, да и после не расстались, вместе к гостинице пошли. Занятный парень, жаль, язык ему мечом подрезали. Или в войске иначе и нельзя, не поймут? За руки не хватал, гнусности не шептал. Бывают же приличные люди на свете! Да!

— Рабыня? Ясно!

Нахмурился, носом-пилумом дернул.

— Трудность. Задача. Юридическая и практическая. Рабыню можно выкупить. Да! Нужно!

Не выдержала — рассмеялась, хоть и горько на душе стало. «Юридическая и практическая» — уж точно.

— И сколько я по-твоему стою, Феликс Помпеян?

Пока что больше двух сестерциев не давали. Может, на денарий потяну?

— Стоишь? Ты?

Вскинул подбородок, подошвами сандалий в пыль ударил:

— Докладываю, Папия Муцила. Десять талантов! Серебром. Нет! Золотом. Да!

Десять талантов золотом? Ну спасибо, конный декурион!

Антифон

– Когда идет война, каждый молится своим богам. Так, Учитель?

– Угу.

– Просят о помощи, приносят жертвы, иногда и людей на алтарях режут. Выходит, на земле сражаются люди, а на небесах – боги? Как у того грека, который про Трою сочинил? Кто-то кого-то там ударил, и взгремели на павшем доспехи? Не смейся, Учитель, сама понимаю, что все это... мистика-рустика. А как на самом деле?

– Папия Муцила, люди не могут разобраться уже миллионы лет...

– Сколько?!

– Миллион – это больше трех, Моя обезьянка! Хочешь, чтобы Я открыл тебе все тайны мироздания? Что было вначале, как мир творился, чем управляется?

– Да!!!

– Папия, не люблю наглых обезьян!

– Ты – Учитель!

– Те, что Мне служат, очень удивились бы, услышав такое. Не путай Меня с Моим братом. Вот он обожает наставлять таких, как ты!

– Ты часто вспоминаешь Своего брата, Учитель. Расскажи о Нем!

– Кресло сиятельной Фабии Фистуле!

Оборачиваться негоже, можно лишь столбом стоять, ожидая, пока седалище доставят. Насколько я помнила, ничего подходящего поблизости нет.

– Сейчас начнется, госпожа Фабия. Выведут их, построют сперва, а потом...

– Угу.

Гай слева, Аякс – сзади. Справа – незнакомый человечешка в коротком плаще. Наверняка из школы, встретил, как только на экседру поднялась. Не я, понятно, она – сиятельная.

– Аякс, ты всех знаешь?

– Да где там, госпожа! Больше тысячи братков-ячменников тут, за стенами, каждый месяц новых привозят... и увозят. Два дня назад игры были...

Ничего, всех и не надо. А если что, человечешка в плаще подскажет. Засуетились в школе Батиата! Еще бы, сама Фабия Фистула соизволила на экседру подняться.

– Гай! Прочитай что-нибудь про гладиаторов.

– Слушаюсь, сиятельная!

Меч на надгробье моем. Содрогнись, проходящий, у камня.

Мертвый живого страшней. У Плутона арену найду!

Кажется, парень сегодня не в настроении.

* * *

То, что я заметила на рисунке, звалось экседрой. Второй этаж, площадка, сверху навес, черепицей крытый. С улицы подняться легко, а со двора – не выйдет, разве что по лестнице приставной. Вначале думала, для стражи площадка. Не для нее, как выяснилось, охранники башенки угловые вороньем обсели. Так что не для стражи экседра – для меня. Точнее, для таких, как сиятельная, – дабы за учебой гладиаторской наблюдать.

– Кресло, госпожа...

Вот уж не думала, что римлянам и такое любо. Хотя, если подумать... Поглядит сиятельная Фабия на крепких парней, приметит нужного, кивнет человечешке...

– По корпорациям они в залах учатся. А во дворе – если корпорация на корпорацию.

Поморщилась. Объяснил, называется! Переспрашивать не стала, после у Аякса уточню.

– Слева, сиятельная, зал, где «галлы», справа – «фракийцы»...

– Воды со льдом. И быстро!

Надоел! Пусть побегает, лед поищет, раз вызвался.

– Все помню, госпожа. Какие у нас в списке, примечу – и тебе шепну. А Крикса я знаю, давно знаю. Лямку с ним не тянул, раньше меня отпустили, но на арене видел. Непонятный он – то злой, никого не щадит, то добивать не хочет. Вот Эномай...

– Тише, Аякс! Потом.

Внизу – крик да стук. Бегают, машут мечами деревянными, падают, снова встают. «Галлы» на «фракийцев», кто кого. Учеба, конечно, мертвых не выносят, кровь песком не посыпают. И то хорошо.

Поглядела на Гая – занят поэт. Руками в ограду деревянную вцепился, шею вытянул. Римлянин!

– Гай, почитай еще!

– Язык замерз, сиятельная!

Ого! Что я слышу? И от кого? Какая ехидна моего Гая укусила? Ничего, с ехидной разберемся, а пока...

Эномай!

Чуть не вскочила. Вот он бог, в красе и силе! Рубится! Одного повалил, второго, третьего. Набедренная повязка на чреслах, страшный шрам даже отсюда видать, обнаженная грудь в пыли...

– Двоих приметил, госпожа. Они! Геркулесом клянусь, они! Обоих на моих глазах порешили, сам видел, сам! Чего

же это творится?

Для того мы сюда и пришли – узнать, что творится. В списках, которые принес одноглазый, таких, как Эномай, удалось насчитать восьмерых. Восемь покойников, на арене зарезанных, от ран умерших – и просто от болезней. Некоторых Аякс сам знал, сам и к Плутону проводил и заупокойную чашу выпил. Когда мы список изучали, он и помыслить не мог, решил, клички сходные.

Вот и пришли мы – убедиться. А я заодно, чтобы богом полюбоваться. Вот он, белокурый, повернулся, прямо на меня поглядел. Узнал? Едва ли, я под покрывалом, и солнце – прямо из-за спины.

– Госпожа, Крикс! Справа, постарше прочих.

Еще одна цель, как на стрельбах. Прежде чем знакомство сводить, стоит со стороны взор кинуть... Не разглядела, толпа внизу. Кажется, седой. Точно, что кажется, гладиаторы редко до седины доживают.

– Госпожа Па... Сиятельная! А школа-то не совсем такая, как была. Изменилось кое-что. Давно не заходил, а как сверху увидел... Ледника нет, который для трупов. А вместо него...

– Вот и узнай, что там вместо.

Таает лед в чаше (не отхлебнула даже, не ко времени Аякс ледник помянул), над двором школьным – пыль столбом. Где «галлы», «фракийцы» где, и не разобрать. И не надо, не любительница я гимнастики, а тем более драки. Об ином дума-

лось. Крепкие ребята, эти гладиаторы. Силища! И эта силища сама себя режет. А зачем? На потеху римлянам?

Пора отсюда. Противно!

– Гай! Гай Фламиний! К тебе обращаюсь, Гай Фламиний! Что случилось, мой Гай?

– Что?! Это мне бы спросить, Папия! Всем римляне плохи, всем перед тобой виноваты. Кроме конных декурионов, да? Думаешь, не знаю?

* * *

– Аякс! Нас никто не слышит... Если... Нет, не так. Можно ли бежать из школы Батита?

– Ну... Способов семь имеется.

Антифон

Все видится именно так: яркое окошко, за которым горячая летняя Капуя, девчонка, опьяневшая от неожиданной свободы, бывшая рабыня, с упоением играющая в госпожу. Приятно плясать на острие меча, когда тебе семнадцать! Сейчас... Сейчас, я поступила бы, как Учитель: нашла кого-то, не желающего умирать, встряхнула бы за плечи, поглядела в глаза. А потом бы сказала: «Капуя. До осени. Понял, обезьяна?»

Той, что за ярким окошком, нравилось плясать на острие. Окошко, окошко... А рядом – черные двери склепа, откуда доносится голос Учителя. Слова еле слышны, я тянусь за ними в темноту, в сырость, в смерть...

* * *

– Но... Я еще ничего не успела, Учитель! Мне нужно время, не так много, совсем, совсем немного! Я... Я Тебе расскажу!..

– Пойдем! Сейчас у нас времени нет. Но скоро его будет много, даже слишком.

– Учитель! Я все узнала. Почти все! Я нашла...

– Это не важно, Папия Муцила. Уже. Еще. Пойдем!

Где мы? Все еще в моей комнате, на пороге? Я открыла дверь, увидела Его, отступила на шаг... Или уже на улице, на пустой ночной улице?

– Сейчас полночь, Учитель, ворота закрыты.

– Правда?

Что-то не так, совсем не так, и не только потому, что я не ждала Его, даже не думала, что увижу так скоро. И не только потому, что Он даже не стал меня слушать, не взглянул...

– Ты можешь вернуться, Папия! Сейчас. Проснешься – и подумаешь, что видела сон. А потом забудешь.

Ворота – открытые настежь, пустые. Ни стражи, ни поздних прохожих. Он – посередине, высокий, в темном плаще.

– Забуду? Навсегда?

Кивок – резкий, злой. Он спешит, очень спешит. Спешит – и я ему нужна.

... Не хочется думать куда. Не хочется думать зачем.

– Я иду с Тобой!

И вот уже под ногами – истертый камень Аппиевой дороги, от близких пиний веет прохладный ветер, теплая ночь внезапно становится ледяной.

– Это... Там, по сторонам... Гробницы?

– Да.

Зря спрашивала, дура! Можно было просто не смотреть по сторонам, только под ноги, на старые серые камни. Могилы за воротами – долгий ряд, на целую милю или даже больше.

– Сюда!

Куда именно, стараюсь не глядеть. Невысокие колонны по углам, тяжелая дверь входа, тяжелый запах сырости. Внезапно захотелось взять Его за руку...

– Папия Муцила!

Наклонился, подождал немного. Почему-то показалось, что Он улыбается...

– Тебя никто не заставляет, обезьянка! Убегай, вернись, тут недалеко, запри дверь, завернись в одеяло.

– Я... Я сейчас умру?

Не ответил, не кивнул даже. На раскрытой протянутой вперед ладони тусклым розовым огнем засветился знакомый

шар. Сперва еле заметно, затем все ярче, ярче...

«Никто не оставляет горящий светильник под спудом, да? А этот ставят, Моя обезьянка! Те, кому он светит, тоже заперты. К счастью для вас!»

Розовый свет внезапно густеет, поднимается, висит над Его ладонью.

«Если свет, который в тебе – тьма, то какова же тьма?»

Антифон

Все это вспомнилось совсем недавно – полностью, шаг за шагом. Много лет я думала, что просто видела сон, странный сон, из тех, что может навестить неожиданно в безлунную ночь, когда не слышны даже шаги Гекаты. Поэтому я не удивлялась – ни во сне, ни после. После – потому что забылось многое, почти все, а во сне... Во сне редко удивляются. Даже в таком. А еще иногда думалось, что мне показали не сон – чью-то чужую жизнь. Правда, с каждым разом эта жизнь все больше становилась моей, охватывала, словно странный сон не хотел уходить.

Не помнила – и не забывала. И так бывает. Мистика-рустика!

– Я не знаю, как это надевать, Учитель!

Не удивляюсь. Не удивляюсь – но и понять не могу. Тога – не тога, палла – не палла.

На Учителе плащ, но совсем другой – светлый, почему-то с рукавами. На голове – шляпа, странная, ни разу подобной не видела. Поля узкие, высокая тулья... На мне же – ничего. Совсем, даже туники.

Что вокруг – непонятно. Туда я даже не смотрю. Пока.

– А сама не разберешься?

Странное дело, кажется, теперь Он не спешит. То есть спешит, но не так. Вроде как к месту мы добрались.

...Но ведь я не умерла! Так не умирают: стою голая, в пупырышках (х-холодно!), под ногами странный гладкий камень, в руках – тога-туника-палла и еще всякое, все вместе. Большой узел, где что – не поймешь.

– Ой!

Даже на заметила вначале, откуда дым. Из палочки дым! А палочка – у Него в руках. Поднес к губам, глотнул этого дыму.

Улыбнулся.

– Сначала то, что прозрачное. Это как нижняя туника. Потом – другая туника, только надевать ее надо иначе.

Да, не спешит. Улыбается, на обезьянку неловкую глядя.

...Значит, не умерла? А как же гробница, как же свет у Него на ладони? А потом, когда все вокруг потемнело...

С обувью (не сандалии, не калиги даже) пришлось повозиться. Но это еще что, а вот когда решилась сделать первый шаг!..

– Привыкнешь, обезьянка! Здесь быстро привыкают, место такое. Вавилонское заклятие не действует, так что все поймешь, во всем разберешься. Ну пошли?

А я уже почти привыкла. То, что на ногах – «туфли», на плечах, поверх второй туники – «пальто». Но привыкнуть одно, а вот разобраться...

За дверью была осень – осень и грязь. Грязь я сразу заметила (слева и справа от дорожки, гравием покрытой), а вот насчет осени... Ни дерева, ни травинки, холодно только. Может, весна ранняя? Или... Или здесь, во сне, всегда так?

Возле ближайшего дома (странный же дом!) Учитель задержал шаг, оглянулся.

Подумал немного.

– Осваивайся, Папия Муцила. Вечером приходи в таберну, она тут единственная, не ошибешься. Я буду там. Здесь Меня называют Хэмфри. Не дожدهшься – приходи следующим вечером. Как Меня зовут, запомнила?

– Запомнила, Учитель. Хэмфри.

– Молодец! Сигареты выдать?

А может, все-таки приснилось? Даже сейчас не могу вспомнить, когда мы с Ним встретились. В первый вечер, во

второй? Учитель оказался прав – времени было много, даже слишком. Или в том сне – в той чужой, не моей, жизни – просто очень быстро привыкают? К туфлям на ногах, к сигаретам, которые можно купить в таберне. То есть не в таберне, конечно, а баре – в баре «У Хэмфри». Учителя там знали, и знали очень хорошо...

– Господина Хэмфри еще нет!

Можно не пояснять – стол у стены пуст. И кресло пустует – Его кресло. За этим столом – место Учителя. Остальных туда только приглашают.

За обедом и за выпивкой тут не лежат, это я сообразила сразу. И пьют из рюмок, а не из чаш. Быстро слова запоминаются! Даже такие, как «автобус». Хорошо, что здесь не надо удивляться!

– Его еще нет...

Эхо, нимфа-Эхо. Не приглашала – сама села рядом, за мой столик. Высокая, черноволосая, в странном серебристом платье-тунике. А вот лицо... Не запоминается лицо. Никак!

– Значит, ты – Его новенькая? Я бы убила тебя, девочка, но лучше пусть Он сделает это сам. А я лучше – пусть оставит в живых. Навсегда!

Хриплый голос, рюмка с чем-то темно-красным в руке. Нимфу-Эхо я уже знаю. Здесь все ее называют Лили, вечерами она поет прямо тут, в таберне. Одна из ее песен и называется «Лили». То есть не совсем так, но полностью я еще

не запомнила.

– Меня Он оставил в живых, девочка! Вначале я просто не поняла, потом обрадовалась, а затем... Затем почувствовала, что это такое!

Не отвечаю. Что толку отвечать Эху? Чужому Эху, отзвуку голосов, которые давно отзвучали?

– Я тебе еще не рассказывала? Я всем рассказываю, это не тайна. Их было четверо – братья, Он – самый старший. Меня догнали над Красным морем. Четыре столба пламени – синий, розовый, белый. А впереди – зеленый, Его цвет... Никогда не видела полета ангелов? Нет ничего прекраснее, ничего страшнее.

Слова звучат тихо, еле различимо. Эхо, дальнее Эхо давно забытого, ушедшего навсегда.

– На берегу... На берегу они оделись плотью – и тогда я впервые увидела Его. Меня должны были убить, я ждала смерти, но думала только о Нем. И когда поняла, что останусь в живых, но буду не с Ним...

Не слушаю. Здесь, в громадной одноэтажной инсуле посреди грязного поля, лучше никого не слушать. Это я поняла сразу – даже раньше, чем сообразила, что такое автобус. Поняла и не стала ни о чем никому рассказывать. Тут никто никого не слушает, зато говорят, говорят, говорят...

И не только говорят. Убивают тоже. Об этом я узнала час назад.

– Ты ничего не дождешься, девочка! Я ждала долго, я вы-

шла замуж за Его брата, отказалась от клятвы, от мести. Не дождалась. Не дождусь. И ты не дождешься!

Молчу. Где-то не здесь, в неимоверной дали – Капуя, Остров Батиата, мои друзья в мохнатых плащах, моя клятва, моя месть. Рассказать о таком? Не удивятся – просто не станут слушать.

...Но я ни от чего не откажусь, как эта Лили! Дождусь – или сделаю все сама!

– Ты недолго продержишься, гордая девочка! Или сядешь в автобус, как все, или у тебя кончатся деньги и ты станешь продаваться за стакан шнапса. Трезвой тут не выжить!

Эхо становится совсем тихим, распадается шепотом, шелестом. Рюмка пуста. За Его столиком – тоже пусто. Ждать? Ждать!

Да, тут убивают – и продаются тоже. В одном из домов (в «бараке» по-здешнему) собираются женщины с пустыми глазами и такие же мужчины – с глазами мертвыми. Здесь не голодают – котел со скверной кашей на кухне всегда полон, но выпивку без денег не купишь. И просто продаются – от страха и безнадежности. Все равно придется сесть в автобус. Не сегодня, так завтра. Не завтра, так через год. Никто никого не торопит. Прав Учитель – времени здесь слишком много. Все равно не выдержишь, шагнешь вперед, услышав свое имя в бесконечном списке, который читают каждое утро. Шагнешь вперед, пройдешь к автобусу. А ходят они только в одну сторону – это я тоже поняла. Почти сразу.

– Готовься, девочка! Новеньким тут платят вдвое, сможешь пить коньяк. Недолго, правда, потом станешь за полпачки сигарет соглашаться. А лучше – сразу уезжай! Чем ты лучше всех остальных? Чем ты лучше меня?

Темноволосой уже нет, а Эхо слышится. И вновь не удивляюсь – похожее мне говорят здесь не в первый раз.

Потом, уже через много лет, я попыталась все это нарисовать – так же, как по приказу Спартака рисовала консульский лагерь. Не получалось. Только обрывки – дверь барака, невысокое ложе, сброшенное на пол одеяло, бледные лица тех, что толпились на площади, когда читались списки, пальцы Учителя, сжимавшие рюмку толстого стекла.

Разве можно нарисовать сон? Даже такой?

* * *

– Садись, Папия! Поближе! Сейчас принесут рюмки.

Пить мне не хочется, но я киваю. Киваю, достаю сигареты. Рядом вспыхивает огонек зажигалки.

Мы за Его столиком, за столом Хэмфри. Не одни – Учитель пришел вместе с кем-то высоким, худым. Лицо... Не разглядеть лица. Молодое – но виски седые.

– Знакомься: доктор Андриус Виеншаукис. Вы с ним почти земляки.

Доктор Андриус Виеншаукис чуть наклоняет голову. Кланяюсь в ответ. Хорошо, когда можно ничему не удивляться!

Рюмки, пузатая зеленая бутылка...

– Итак, доктор?

Кажется, Учитель позвал меня сюда именно из-за него. Из-за моего почти земляка – доктора Андриуса Виеншаукиса.

– Ты знаешь мой ответ, Хэмфри.

Пальцы Учителя сжимают толстое стекло. Лицо... Сейчас его так же трудно разглядеть, как и лицо гостя.

– Ты нарушил Закон, доктор Андриус Виеншаукис. В очередной раз. Но теперь Я решил вмешаться.

– Вмешивайся.

Их голоса странно похожи – голос Учителя и этого, с седыми висками. Они вообще похожи. Не братья, но... Похожи!

– Закон один на всех, доктор Виеншаукис. Закон – выше всего.

– Не выше Милости.

Оба говорят спокойно, не торопясь. Времени здесь много.

– Нет, доктор! Ты наслушался Моего брата, но он не может изменить в Законе и буквы. Даже Отец не может – это тот предел, который Он Сам Себе поставил. Я – хранитель и страж Закона, доктор Виеншаукис. Я не позволю, чтобы его нарушали – даже ты и твои товарищи.

– Ты сам нарушаешь закон, Хэмфри. С первого же дня – когда отказался поклониться по приказу Отца.

Далекий неясный спор внезапно становится понятнее.

Учитель говорил об этом! «Я тоже когда-то обиделся на... обезьянку. И даже не стал ей кланяться». Выходит, Он не шутил?

– Неужели Мой брат не разъяснил тебе даже этого? Был приказ Отца, но был и есть Закон. Кланяться можно Творцу – но не творению. Закон выше приказа. Мои братья его нарушили, Я – исполнил!

Слова звучат негромко, уверенно, но я понимаю – это лишь разговор. Кажется, они беседуют о таком не впервые, и никто никого не переубедит.

– Мой брат и такие, как ты, называют это гордыней. А разве то, что вы подняли руку на Закон, не гордыня?

– Новый Закон отменил Древний.

Спор тянется, тянется, никто никуда не спешит, и я не спешу. Моя жизнь, моя ненависть, мои друзья – все это не здесь, тут нет Рима, и родной земли тоже нет. Есть грязь, автобусы, ждущие на краю площади, полупустой бар, полупустая бутылка.

– Я пытался объяснить брату, доктор Виеншаукис. Он ничего не отменил – и ничего нового не принес. Он лишь позволил себе и другим нарушать то, что нарушать нельзя никому... Ты сейчас откуда, доктор? Берлин, группа «Красная капелла»? И, чтобы попасть туда, ты в очередной раз презрел Закон? Неужели помогать одному Зверю из Бездны против другого, такого же, – это завет Моего брата?

Впервые за весь разговор голос Учителя дрогнул. Пальцы

вцепились в стекло. Гость даже не пошевелился.

– Мы спасали людей, Хэмфри. Ради спасения даже нескольких жизней стоит нарушить все законы мира!

– Угу.

Рюмка неслышно опустилась на скатерть. Ладонь сжалась в кулак.

– Узнаю... Доктор Андрюс Виеншаукис! Как страж Закона, стоящий позади трона Отца, обвиняю тебя в неоднократном возвращении в мир, что нарушает существующий порядок. Ты здесь не один, но обвинение будет предъявлено прежде всего тебе, ибо ты – Первый Посланник Моего брата. Не в Моей воле судить, но уличить тебя Я вправе.

– Как Иова?

Учитель поморщился, ладонь еле заметно дрогнула.

– Пустое сравнение, доктор! Тот был лицемером, а ты даже не пытаешься скрыть свой грех. Трудиться мне не придется. Итак, у тебя есть выбор. Я могу отправить тебя на Суд, где обличу как нарушителя Закона, а могу... Могу поступить иначе.

– Ах, вот к чему весь этот разговор!

Я даже не заметила, как моя рюмка опустела. Странно тут пьют – два-три глотка, а как будто амфору опрокинул. Но сейчас во рту сухо и горько.

– Ты мне мешаешь, док! Ты и твои подельщики рассудили верно: Суд в руках Моего брата, Мое слово там подвергнуто сомнению. Поэтому предлагаю мировую. Я тебя сошлю – на

полвека, без всякого суда.

Рука гостя скрылась за отворотом плаща. На миг почудилось, что он достанет оружие.

...Оружие здесь тоже есть – странное, как и все тут, но очень удобное. Один раз я видела, как из него стреляют. Нашим бы в Самниуме такое!

– Вот почему я – Андрюс Виеншаукис!

На ладони гостя – небольшой диплом. Внутри – надпись, рисунок.

– Именно поэтому! – Учитель наклонился вперед, словно пытаясь поймать чужой взгляд. – Вам двадцать девять лет, вы живете в Вильнюсе в районе Жверинас. Чудный район, небольшие дома, парк, пруд. Квартира – на ваше усмотрение. Или на мое, жаловаться не будете.

Еще странность – очередная. Тут все друг друга понимают, но обращаются по-разному: кто привычно, на «ты», а кто и на «вы», как сейчас.

– Работать станете... Ну, скажем, в русской гимназии имени Добужинского старшим учителем. Хорошее жалованье, и российское посольство помогает. Потом, через пару лет, перейдете в университет. Мирный город, мирная страна. Проживете до восьмидесяти, ничем не болея и ни на что не жалуясь. А потом – свободны, как ветер в пустыне. Устраивает?

Гость спрятал диплом, взвесил на ладони пустую рюмку, улыбнулся.

– Теряете квалификацию, Хэмфри?

Я тоже слегка удивилась, чуть ли не впервые за это время. Пусть все вокруг непонятно, и разговор меня даже краем не касается, только ясно, что «док» – еще тот орех, не раскусишь. Соблазнить его квартирой в каком-то Вильнюсе, пусть даже в районе Жверинас?

...Теперь оба – на «вы». Кажется, им так привычнее.

– Ну, конечно! – Учитель улыбнулся в ответ. – Предлагать такое Первому Посланнику! Мелко, да? Только Я знаю о вас то, что не ведают остальные, – даже Мой брат. Полсотни лет отдыха, док, – да еще с перспективой продления! И никого – ни ваших вздорных коллег, так и стремящихся угодить на очередной крест или костер, ни Моего всепрощающего родственника. Не надо будет совершать подвигов, умирать под камнями фанатиков, молчать на допросах в гестапо. А главное – не ваша в том будет вина, а Моя! Оценили?

– Изыди!

Незнакомое слово упало тяжело, словно камень от баллисты. Упало, отскочило, покатилося...

Кажется, я недооценила их обоих.

– Ну тогда... – Учитель стер улыбку с лица, заговорил холодно, властно. – Тогда Я буду судиться с тобой, Первый Посланник, на Суде Моего брата, поскольку это в его власти. Нет, Я не обвиню тебя в нарушении Закона, ты скажешь, что Милость выше, а брату это понравится. Но есть грехи, от которых не разрешит даже он. Догадываешься, о чем Я?

Гость не двинулся с места, не дрогнул лицом, но стало яс-

но: выстрел попал в цель.

– Ты – самоубийца, док! Самый обычный самоубийца, и Я это докажу. А поскольку после каждого возвращения из мира Суд, путь даже формальный, полагается, Моему брату придется рассмотреть и это. И тогда некому будет кидаться твоим: «Изыди»! Ну как, согласен на Вильнюс, Первозванный?

Антифон

– Отчего же быть стражем Закона выпало Тебе? – спросила я Учителя. – Отчего Ты выбрал такое? Нечестивцев в мире больше, чем праведников, значит, не дожидаться Тебе любви вовеки.

– Я не ищу любви, – ответил Он. – Судьбу же Мне не пришлось выбирать, ибо мы, Сыновья Отца, не властны в своей воле. Я Первенец, цвет Мой – цвет весенней травы, и, когда получил я свой Зеленый меч, велено было Мне стоять за тронот Отца и блюсти Закон.

– Почему же брат Твой младший непослушен Отцу? – удивилась я. – Отчего нарушает Закон и слугам своим велит? Учитель задумался, покачал головой.

– А как ты сама думаешь, Папия Муцила?

– Неужели... Неужели Твой Отец разрешил ему?

Не ответил.

– Вероятно, ты... вы считаете меня врагом? – не выдержала я.

Промолчать бы, да уж больно ночь выпала мрачная. Ни огонька, ни звука, дорожки – и той не видать. Словно одни мы в этом странном мире, на Острове Хэмфри – я и доктор Андриус Виеншаукис.

– Врагом? – В его голосе удивление самым краешком. – Сказано: возлюби врагов своих. Но какой ты враг, Папия? Дело даже не в... Хэмфри. И даже не всегда – в Законе.

Вместе вышли из бара, вместе повернули направо. Отчего туда? Барак, где я устроилась, совсем не там.

Учитель остался. Я еще успела заметить, как к его столу подошла темноволосая Лили. Но это уж совсем – не мое дело.

Спросить еще – и об Учителе, и о Законе? Нет, не стоит.

– Что там впереди, доктор? Кажется, главная площадь, где автобусы?

На этот раз уж точно – просто так спросила, чтобы темноту не слушать. Где площадь главная, я и ночью разберусь. Быстро на этом Острове учатся!

– Где автобусы, – согласился он. – А правее, почти в самом углу, – небольшие ворота, калитка. Видели, Папия? Отперты, даже не охраняются.

– В смысле, уйти можно? – поняла я, сразу же школу Ба-
тиата вспомнив. Аякс что-то говорил о семи способах.

– Можно, – донеслось из темноты. – Но одному не пройти,
вдвоем – тоже. Хэмфри это знает, поэтому моих друзей...

– Посланцев? – перебила я.

– Да... Нас Он старается не собирать вместе. А одному...
Не знаю. Там ветер, сильный, сбивающий с ног. Десять шагов
– и все.

Изумилась, остановилась даже. Воздух, как болото, затх-
лый, тяжелый, но где-то совсем рядом... Я, кажется, начала
удивляться! Или... просыпаться?

– Мы не враги с тобой, Папия. Жаль, ты не услышишь
Учителя – моего Учителя. Я тоже не сразу пришел к нему. К
счастью, жизнь длинная. Иногда даже слишком.

Внезапно мне показалось, что я слышу голос старца. Уста-
лого, потерявшего силы.

– Ты поняла, зачем Хэмфри взял тебя с собой?

Даже так? Интересно, догадаюсь ли?

– Если бы вы... Если бы ты согласился уехать в этот...
Вильнюс, Учитель послал бы меня с тобой. И я бы не отхо-
дила от тебя ни на шаг.

Нет, на «ты» все-таки легче!

Из темноты – негромкий смех. Сколько же ему лет на са-
мом деле? Семьдесят? Больше? Но, если я права, значит,
этот странный доктор для Учителя важнее Капуи, важнее
Рима, важнее того, о чем мы с Ним договорились!

– Кажется, так, Папия. И Он почти не ошибся – Он редко ошибается. В Себе – но не в людях. Их поступки Он предсказать не в силах. Доктор Андриус Виеншаукис никогда не будет преподавать в гимназии имени Добужинского. Постараюсь все же уйти, сделать хотя бы первые десять шагов... Но Хэмфри прав: я действительно устал, у меня нет сил, я хочу покоя. Давно уже, еще до того... Еще до моей первой смерти. Я понял это, когда меня позвали проповедовать к одному племени. Дикари, каннибалы, собачьи личины вместо лиц... И я отказался. Поехал мой друг, его едва не убили. Я, конечно, пересилил себя, поспешил за ним, выручил. Но... Но понял – больше не могу. Усталость – это не только дороги, это люди, гибнущие за тебя. Пусть считается, что за великое дело, но все равно – за тебя, из-за тебя. Мои ученики... Их сбрасывали под лед, распинали, побивали камнями. Один паренек из этих каннибалов поверил, увязался за мной, потом пошел проповедовать в римскую армию. Его расстреляли – привязали к столбу, истыкали стрелами. Долго убивали... Я действительно устал. И... И Хэмфри в самом деле сможет обвинить меня на Суда. Ты спросишь, отчего я покончил с собой?

– Не спрошу! – поморщилась я, пытаюсь разглядеть в темноте хоть что-нибудь. Зря я пошла с ним! Какое мне, собственно, дело!..

– И все-таки я тебе расскажу. Хэмфри знает, но Его повесть будет... совсем другой. Меня распяли в городе Патры,

в Ахайе.

Ночь дохнула холодом. А мне-то казалось, что Остров Хэмфри далеко от Капуи!

– Наместник... Он был очень зол на меня и приказал не прибивать руки гвоздями, а лишь привязать. Чтобы не так быстро, чтобы я почувствовал. Два дня... Два дня прошло, но я был еще жив.

Голос окреп, словно лишился возраста, словно оделся камнем.

– Потом... Потом собралась толпа, наместнику стали угрожать, за меня заступилась даже его жена. И... И он приказал снять меня с креста. И вот тогда... Я не захотел – не захотел снова жить, снова страдать, идти от города к городу, убеждать тех, кого убедить невозможно, обрекать на смерть немногих, поверивших мне. И я попросил Его, Того, Кому служил и служу, о смерти. Сняли... С креста сняли уже мертвца.

– Поэтому ты все время возвращаешься в мир? – поняла я. – Нарушаешь Закон, чтобы доказать и себе, и другим...

– Хэмфри это тоже знает, – согласилась тьма. – Но... Но я все равно не сдамся, не покорюсь Ему. Будь что будет!

– Будь что будет, – не думая, повторила я и тут же очнулась, уже окончательно. – Док! Да где же мы находимся? Как мы все тут оказались? И... какой сейчас год?

* * *

– Просыпайся, госпожа Папия! Пора. Заспалась ты, не ровен час гостинщик чего подумает.

Голос Аякса – обычный, только слегка озабоченный. Верно, пора вставать, в «Красном слоне» привыкли, что служанка сиятельной Фабии Фистулы выбегает во двор с петухами.

– Сейчас. Аякс, там, в кармане пальто, пачка сигарет. Кинь одну!

– Сига... Что кинуть?!

Антифон

Про сигареты я забыла в следующий миг – как и обо всем остальном. Не навсегда – и даже не очень надолго. Но в то утро забыла. Может, и к лучшему.

* * *

– Докладываю. Что такое «синекдоха», известно. Синекдоха – кличка. Наш лагерный пес. Да! Умствовать же вредно. Греческий язык учить вредно. Доказано. Опытом. Да!

Коснулись пальцы дверной ручки. Отдернулись. Мыслишка первая: надо же! И вторая: чего делать-то? Да!

А всего-навсего в бани сходила. Именно сходила, потому как обычно я туда забегаю. Хвала Венере Очистительнице, бань в славной Капуе никак не меньше, чем таберен, – в каждом квартале по две. И на Острове Батиата имеются, и по соседству. Четверть асса всего – и гуляй между кальдарием и фригидарием. Но тут случай особый.

– Без науки, без искусств люди – ничуть не лучше диких зверей, декурион. Те тоже... Умеют сражаться.

– Ошибка! Возможности зверей ограничены. Да! Отсутствием боевого и защитного вооружения. Человек – вооруженный зверь. Да. Потому он уже не зверь. Да! Птицы поют песни, но людьми не являются. Нет! Вот!

Вот! Сходила, называется, в бани (Бани Префекта – лучшие в городе). Сходила, вбежала на второй этаж ставшего уже почти родным «Слона», а за дверью...

Что в моей комнате Гай Фламиний делает, понятно. Сама его побыть там попросила, на случай всякий. И вот он случай – зашел.

– Вооруженный зверь... Значит, мы все – только вооруженные звери, Феликс?

– Вооруженные? Нет! Много штатских. Носят тоги. Мешают. Да. Слабость общества. Очевидная. От нее все трудности. Да!

Голоса громкие, через дверь слышно. О чем спорят, не особо понятно, но... Кажется, сейчас подерутся. Самое время вмешаться, но что я конному декуриону скажу? Наверня-

ка завернул не ко мне – к сиятельной Фабии Фистуле! Представиться. Да!

Ну и ко мне тоже, конечно. А приятно!

– Вот из-за вооруженных зверей наш Рим и погибнет.

– Ошибка! Да! Рим погибнет из-за болтунов в тоге, знающих греческий язык...

Пора! А то и в самом деле до кулаков дойдет.

– Всем радоваться!

Фреска – как в храме Юпитера Капитолийского. Два благородных мужа сошлись в поединке, вот-вот сверкнет гладис, взметнется копейное жало... Справа – мой Гай, тога едва на плече держится, волосы отчего-то торчком, рука восковые таблички сжимает. Слева – конный декурион. Тут и с тогой порядок (все та же, но уже без пятна) и с прической, зато в глазах такое, словно перед ним – сам Митридат. Посередине (вместо алтаря, что на фреске храмовой) – столик с блюдами и кубками. Кубки пусты, в одном из блюд – знакомые винные ягоды, рядом козий сыр, большими кусками нарезанный.

– Папия, здравствуй! Мы...

– Вижу.

Присела на табурет, вздохнула. Еще и с этими разбираться! Будто дел мало, будто я все утро делами этими не занималась. Чего я в Бани Префектовы пошла? Не потому же, что там колонны мраморные и мозаики камня цветного. На Юлию Либертину поглядеть пошла, мне же к ней в гости ско-

ро. А где человека нужного рассмотреть со стороны можно, как не в банях? Потому и утром пошла. Простой народец в бани ближе к ночи норовит, после работы, а вот благородные...

– По порядку. «Синекдоха» – это что? Или кто?

Далась мне эта синекдоха! Им, бойцам моим, впрочем, тоже. Завелись они, оказывается, из-за греческого языка. Гай за греков заступаться стал. Мол, культура, мол, в их языке нужных слов много, каких в латинском пока не придумали. А Феликс-декурион рубанул, что греческий этот римлянам и не нужен, потому как греки воевать не умеют.

«Синекдоха» же, как оказалась, «соподразумение», только по-гречески. Чего именно соподразумение и зачем, вникать не стала. Как по мне – в самый раз кличка для пса лагерного.

– Виноват, Папия! Увлёклись! – Феликс Помпеян оправил безупречные складки на тоге, нахмурился. – Тема! Важная. Обороноспособность Республики... Пришел представиться. Познакомиться. Да!

С Фабией Фистулой, хозяйкой моей, понятное дело. Чего бы такого соврать?

– Я тебе говорил. – Гай незаметно подмигнул, поглядел в окошко. – Сиятельная – она только по виду скромница. В бани с Папией пошла, обратно пустые носилки отослала, а сама... тоже.

Кажется, для конного декуриона оказалось слишком

сложно. Вновь брови тонкие к переносице свел.

– Понял. Маневр. Отвлекающий. Да! Скромницы. Слышал, да. Мораль. Нет! Отсутствие таковой. Да. К гладиаторам ходят. Верные сведения. Да!

– Да брось, Феликс! – заступилась я за беспутную хозяйку и заодно не только за нее. – Не замужем она, вдова... Что там у вас на столе, а то есть хочется?

Юлия Либертина – не вдова. Но с мужем не живет, тот уже года два как купил себе дом в Таренте. Так что если вдова, то соломенная, однако к гладиаторам не заглядывает, на играх бывает редко, мимов не любит.

Обо всем этом я в банях и узнала. Рассказали! А кое-что самой увидеть довелось. Кое-что, кое-кого.

– Мы с Феликсом поспорили не только из-за синекдохи, – без всякой нужды пояснил Не Тот Фламиний, прикладываясь к сыру. – Синекдоха – частность.

– Синекдоха – наш пес лагерный! – отрезал конный декурион. – Да! Речь шла о Риме. Нет. О римлянах. Гражданах. Гражданах Республики. Упадок. Развал. Разврат. Наличие отсутствия боеспособных мужчин. Да-да-да!

– А во всем, выходит, культура виновата? – бледно улыбнулся поэт.

– Да!!!

Тут уж и я улыбнулась, на миг все свои мысли из головы выбросив. Ну да, конечно! Пришел конный декурион в гости о культуре спорить. Бедняга Гай! А если бы я ему про Эно-

мая рассказала?

– Греки – пример. Согласен. Да! Развели культуру. Много. Излишне. Воевать не научились. Нет! Взятые в плен в качестве добычи римского народа. Да! Лекаришки и учителяшки. Воевать не хотели. Не умели. Нет. Результат!

– Александр Македонский тоже воевать не хотел и не умел? – вновь не выдержал Гай, поглядев весьма и весьма выразительно. Не на декуриона – на меня. Ох ребята, ребята!

– Александр Македонский? Знаю. Да! Центурион рассказывал, – охотно согласился Феликс, тоже косясь в мою сторону. – Не грек. Македония – страна, расположенная в горной местности севернее Греции. Плохие дороги. Конница действует лишь небольшими отрядами. Да! Александр – не грек. Нет. Гречишек разбил. Вдребезги! Да. Покорил. Не пример. Нет!

А я вновь про дела свои думать стала. И вообще, и про Юлию Либертину. Гладиаторов соломенная вдова не привлекает – и иных мужчин тоже не очень. А в Бани Претфектовы с целой свитой пожаловала из рабынь молоденьких. В кольцах все, в браслетах...

Мне бы и не ходить к ней, обойдусь, без нее справлюсь, но уж очень хотелось испытание себе устроить. Кто знает, в каких гостях еще придется?

– И ты считаешь, Феликс, что греческая культура ослабила Рим? Да без нее мы были бы до сих пор... Как ты сказал? Вооруженными зверями? А зачем тогда власть, сила, завое-

вания?

– Сила – ради силы. Власть – ради власти. Завоевания – ради завоеваний. Да. Чтобы выжить. Чтобы не быть чужими рабами. Да!

Хотела я спорщикам напомнить, что оба они римляне весьма сомнительные. Вольноотпущенник и оск – хороши патриоты Республики! Не стала. Говорят, такие, из «новых людей», самые патриоты и есть. И не в Республике вовсе дело, встретились два петуха, распушили гребни.

...Если они – петухи, то я, значит, курица? Нет, не годится. На быков и волков не тянут, стать не та, баранами не назовешь – обидно.

– Развал народа. Да! Население Италии небоеспособно. Несколько миллионов взрослых. Дармоеды. Да! Война. Три войны. Набрали восемь легионов. С трудом. Контингент слабый. Да. В случае новой опасности формирование затруднено. Нет. Почти невозможно. Да!

Тут я уши наострила. Не зря мне еще в первую нашу с декурионом встречу волк в капкане представился. Три войны Рим ведет, да еще киликийцы, будь они прокляты, на море. Восемь легионов набрали, а больше и набирать некого? Так сколько лап у волка?

– Воевать разучились. Нет! Не научились. Строй на строй можем. Один на один – трудно. Гладиаторы лучше легионеров. Позор! Разгром! Да. Римские матроны ходят к гладиаторам!..

– Хватит, а? – взмолилась я. – Лучше давайте погуляем. День хороший, хозяйка... занята. Только про войну говорить не будем, ладно?

Ну уж не будем! Феликса так просто не остановить. Только зачем конному декуриону знать, что это мне ой как интересно?

Антифон

– Ты говоришь, Учитель, «гордыня», – спросила я Его как-то. – Что это? Гордость, но... неправильная?

Кивнул, задумался.

– Неправильная гордость? Неплохо сказано, моя обезьянка! Гордыня не просто завышенная самооценка, это – принципиально неправильная самооценка. Воображаешь себя не сильнее, не умнее, чем есть, – а кем-то вообще другим.

– Богом? – не выдержала я.

Вновь кивнул.

– Допустим, богом. Поэтому гордостью ты обидишь только себе подобных, гордыней же – того, кто посильнее тебя. Но это лишь одна сторона яблока.

На Его ладони действительно оказалось яблоко – большое, краснобокое, хотя яблони еще только отцвели и до спелых плодов было еще далеко.

– Гордыня – смертный грех, так сказано в Законе. А вот почему сказано – не принято спрашивать.

– А почему сказано, Учитель? – подхватила я.

– Обезьянка, обезьянка! Догадайся сама, Папия Муцила, если уж ты имела наглость назваться Моей ученицей.

Его ладонь протянулась ко мне. Огонь светильника скользнул по гладкой яблочной кожуре. Скользнул, исчез. Две стороны яблока. Гордыня опасна для людей...

– Гордыня опасна не только для людей, Учитель! Она опасна и для богов. Если человек вообразит себя богом, он... может стать им! И... И сам Закон... Его нарушение, неисполнение заповедей, опасно не для одних людей...

Яблоко пропало, ладонь запечатала мои уста.

– У Меня очень глупая ученица. О таком не говорят вслух, Папия Муцила!

О таком не говорят вслух... Я не говорила, но тем жарким летом и вправду поняла, что такое гордыня. Рим, проклятую Волчицу, ненавидели тысячи и тысячи. Ненавидели, желали гибели. Но чтобы собрать их, чтобы решиться, понадобилась беглая рабыня, обычная девчонка, не воевавшая, не готовившая заговоры. Без меня бы...

Да, гордыня. Тогда мне так и казалось, что без меня... А вот сейчас сомневаюсь. Прошло много лет – и каких лет! Теперь я знаю, что такое война, что такое заговор. Так и кажется, что за спиной семнадцатилетней девчонки действовал кто-то иной – старше, умнее, беспощаднее. Я была нужна даже не как щит – как рисунок на щите.

Но если не я, кто же? Не Учитель, знаю точно. Кто-то

Другой? Во всяком случае, Его длань, длань Чужого, я почувствовала очень скоро. Коснулась плеча, дотронулась до губ...

* * *

– Жди, девочка!

Ждет девочка. Гиматий на голову накинута – от взглядов чужих, непрощенных. Хоть и темно, хоть и нет никого рядом...

Знакомые ворота, знакомая калитка. Школа Лентула Батиата, добро пожаловать! Но это для сиятельной Фабии Фистулы – «добро», а для обычной девчонки, что к дружку-гладиатору на свидание просится, порядок иной. Сначала привратнику ладонь согреть, потом у калитки скучать, пялиться на нее, как коза на горох...

Парня звали Фирм. «Самнит», в школе два года, пять побед. Больше о нем я ничего не знала, но бородатый Рес (старший который) уверил: свой. Самнит (настоящий, не только по оружию) воевал, боги едва от креста избавили. Сам-то он был мне и не нужен (пока!), но имя того, нужного, я назвать у ворот не решилась. Фирм меня как раз и проведет, к кому следует.

– Иди! Ждут.

Задумалась! Задумалась, не заметила, как калитка открылась, не скрипнула даже. Видать, шипы смазали, расстарали.

лись. Не так и трудно в школу гладиаторскую попасть. Но это попасть, а вот покинуть! Правда, Аякс говорил про семь способов.

– Ты Папия?

Широкоплечий, в короткой тунике. Лица не разглядеть, разве что подбородок – гладкий, чисто выбритый.

– Я Фирм, пойдем!

Оглянулась. Калитка уже прикрыта, сторож снаружи, остальные – на башнях угловых. Не услышат, если негромко.

– Фирм? Не вижу!

Если Фирм «наш», то поймет, не станет к светильнику оборачиваться.

– Вот!

Ладонь коснулась его руки, затем пальцев, потом скользнула по теплой меди. Увидеть так и не увидела, но ошибиться трудно. Знакомая печатка: Бык и Волчица. Государство Италия.

«Наш!»

– Тебя ждут, только... Понимаешь, Папия, ребята все примечают, даже если ночью. Ко мне уже полгода одна девчонка ходит, знают ее, а если тебя со мной заметят... Она сегодня тоже прийти должна, чуть попозже.

– И что же делать, Фирм?

– Ну... Я сказал, что ты не ко мне, к приятелю моему, он сейчас еще не освободился, молодежь ячменную в учебном зале гоняет. Вроде как он меня попросил встретить. Он по-

том тебя и назад проводит. Не волнуйся, парень надежный, надежнее не бывает. Только римлян страх как ненавидит.

– Ненавидит? Значит, надежный.

* * *

Темно... Опять темно. Во дворе хоть светильники чадили, а тут – выколи глаз. Кажется, комнатка-клетушка, от стены до стены – полтора шага, что-то деревянное в колено тычется, ложе, наверное. Да какое здесь ложе – лежак с соломой. А вот и солома, нащупала!

Что именно скажу, знаю. И кому скажу – тоже. Но все равно не по себе. Хоть бы огонек какой...

– Ты хотела меня видеть, Папия?

Огонек! Неровный, легкий. Глиняный светильник в крепкой руке, короткие волосы с проседью, темные глаза.

– Я – Крикс. А ты кто?

Настало время и мне перстень показывать.

– Сначала выслушаю тебя. Извини, ответить не обещаю. Могу и промолчать.

Не обижаюсь. Выдадут, поймают – крест. И ему, и мне, и тем ребятам, что наверняка сторожат у входа. Но моя жизнь – за воротами школы, всегда есть надежда уйти, раствориться, исчезнуть.

Эти люди – здесь. Уходить некуда.

– Рассказывай, Папия Муцила!

Сидим на лежаке с соломой, больше и негде. Плечом к плечу – мала клетушка. Светильник рядом, но многое не увидишь. И не нужно пока, главное и так знаю. Много мне рассказали бородатые братья о Криксе, бывшем сотнике армии Италии. Все сходится – он. Под пятьдесят, седина волосы побила (выходит, не ошиблась я тогда, на экседре), потертый браслет на левом запястье.

– Только учти, Папия, лгать нельзя. Я – потомок жрецов, меня учили различать ложь. Слова имеют цвет, ложь – она серебристая, с синюю.

Даже так? Лгать я и не собиралась, но как сказать правду? И где она, правда?

– Вот правда, Крикс. Я – Папия Муцила, внучка консула. Вся моя семья погибла, я бежала, ищут. Меня спас... помог спастись... Тот, кто и послал меня в Капую. Он приказал поднять мятеж – до осени. Мятеж против Рима. Все остальное – на мое усмотрение.

– Приказал... Он от Сертория, от Митридата?

– Извини, ответить не обещаю.

– Ясно! Продолжай, Папия, внучка консула.

– Остальное ты уже знаешь, Носящий Браслет. Друзей Италии осталось мало, не все готовы сражаться. Рабов много, но их сразу не поднимешь...

– А гладиаторы – та сила, которая объединит и поднимет остальных? Мы тоже думали об этом, Папия. Нас здесь... не так и мало, да и в других школах хватает. Но... Сначала

расскажи, что предлагаешь ты.

– Друзья Италии договариваются со всеми врагами Рима. Если надо – с Серторием, надо – с Митридатом. Собирают оружие, готовят людей. Сигнал – ваш побег, вы – вожди.

– Мы?!

– Лучше всего – ты, сотник Крикс. У Италии не осталось вождей.

Антифон

В тот миг, в тот далекий миг мне и вправду почудилось, что я – богиня. Немезида, сестра Сна и Смерти.

Почудилось – но всего на миг.

* * *

Гаснет светильник, ползут черные тени. Тихо в комнатке-клетушке, молчит Носящий Браслет. Наконец...

– Нет.

И сразу – тьма. Тьма, неожиданный холод. Нет – почему?! Что я не так сказала? Не так придумала?

– Все будет иначе, Папия Муцила. Если будет вообще.

Долго я на лежаке сидела, вставать не решалась. Да, все иначе, хотя и не совсем «нет». А я так надеялась на Крикса! Ничего, сообразим... соображу, сложно только все получа-

ется. Носящий Браслет сказал, что...

– Ты Папия?

Третий раз за ночь! Я, конечно. Кольцо доставать? Интересно, кто это пожаловал? Крикс прислал – до ворот проводить?

– Фирм тебе про меня рассказывал.

Ах да, приятель, что «ячменников» по залу гонял! Нагонялся, выходит? А голос почему-то знакомый. Жаль, не увидеть ничего.

– Только...

Опять «только»! Сколько можно? Но голос, голос! Откуда я его...

– Это... Это моя комната, Фирм тебя сюда привел, чтобы, значит, все подумали...

Голос!!!

– Я... Я с вами! Могу перстень показать. Меня зовут Эномай...

Нет! То есть да! Да-да-да!!!

* * *

– Даже имени своего не знаю, Папия. Настоящего! Из Калябрии я, семью Сулла перебил, мне тогда и года не было. Все забрали волки римские, даже имя! «Эномай» – клеймо просто, так лишь рабов кличут.

Как сидела, так и сижу. Не одна только. Двое нас – я и

бог, мой белокурый бог. Плечом плечу, как с Криксом. И говорим о том же. А сидим, потому что глазастый тут народ. Кто к гладиаторам темным вечером ходит, гиматием накрывшись? Ясно – кто. И зачем – тоже ясно. А тут прибежала незнакомая девица к Эномаю-герою, прибежала, дождалась – и к воротам. Чего подумают? Всякое подумают, только лучше, чтобы не думали вообще.

Это все мне Крикс передать велел – через Эномая. Передать, в его комнатухе посидеть, носа не высовывая и дверь прикрыв.

Посидеть... Это какой бог мне помочь сподобился, словечко на Небесах за девчонку замолвил? А я даже в храм не заходила!

– Я тебя, Папия, ни о чем не спрашиваю. Знаю – нельзя. Только скажу... Я много раз умереть мог. Умирал даже.

Умирал... Страшный шрам на животе от трезубца, рассказ Аякса... Но не умер же!

– Решил: выживу! Как угодно, ценой любой – выживу. Не хочу, чтобы на арене, чтобы римская сволочь гоготала! Вот посчитаюсь с Волчицей проклятой...

Не договорил белокурый бог. Не успел – мои губы помешали.

Антифон

– Учитель, – спросила я. – Человек сотворен смертным?

Изначально, с первого дня?

– Смертны не только люди, – улыбнулся Он. – Сотворенное бренно, рожденное – умирает. Вечен лишь Отец.

– Про богов рассказывают разное, но почти все они родились. Значит, боги тоже...

– Почти все они родились. Значит, боги тоже. Мне нечем тебя утешить, обезьянка. Отцу виднее, почему Он творил Человека по Своему образу и подобию – смертного, но мнящего себя вечным. Все умирает – но ничто не исчезает, только меняется. Изменимся и мы.

– Многие верят, что после смерти будет почти как в жизни. Потому и кладут в могилу оружие, украшения, даже еду. Мистика-рустика, знаю! Но... Можно унести с собой хотя бы память? Пока я буду помнить – себя, свою жизнь, все, что со мной случилось, я останусь собой! Сохрани мне память, Учитель, сохрани! Больше мне ничего не нужно!

– Мне нечем тебя утешить, обезьянка.

– Тогда... Тогда Расскажи мне притчу.

– У одного богатого человека был хороший урожай в поле; и он рассуждал сам с собою: что мне делать? некуда мне собрать плодов моих? И сказал: вот что сделаю: сломаю житницы мои и построю большие, и соберу туда весь хлеб мой и все добро мое, и скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы, покойся, ешь, пей, веселись. Но Бог сказал ему: безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил? Человек же отвечал

Господу: достанется наследникам моим, что у сердца моего возлежат, а если Ты души их заберешь, то пусть приходят соседи мои, и земляки мои, и путники, и нищие, и бродяги. Пусть едят, пьют и веселятся, меня вспоминая, душа же моя возрадуется в Царстве Твоем. Пока же со мной душа моя, подумаю о стропилах и стенах, ибо живой о живом рассуждать призван. И тогда не будет страшно ему.

* * *

– Давай-ка еще раз, госпожа Папия. Мудрено оно что-то. Ох уж этот Реса, Рес Средний, все ему «госпожа» да «госпожа». Просила же!

– Только как есть рассказывай. Ты не поймешь – мы поможем.

Рес Старший (тот, который Ресу). Младший – Ресий – молчит. Молчит, но кивает. Давай, мол, сестренка, выкладывай. Все как есть.

Ставни на крючке, полутьма, кожаный мех с кислым вином на столе колченогом. Козьими шкурами пахнет, овечьими тоже, чан какой-то посередине, скамейка у стены.

Все как есть. Они правы, их головы тоже на кону. Вот только как оно – есть?

– Крикс сумел уговорить только нескольких, таких же, как он. Из тех, что за Италию воевали. В школе Батиата народ разный, много «ячменников»...

– Кого?! Каких еще?

Кажется, Ресу. А может, и Ресий – не сдержался парень.

– Гладиаторов так называют, если обидеть хотят, – пояснила. – Им каждый день кашу из ячменя дают, чтобы силы прибывало. А меж собой они «ячменниками» тех кличут, у кого за душой ничего не осталось. Только бы не убили, только бы винца вечером глотнуть.

Говорю, а сама словно не здесь, словно я еще там, в душевной комнатке-клетушке, где спрятали моего бога. И действительно! Как вышла оттуда, не помню, как до «Слона» добралась – тоже. И утро не помню. Аякс одноглазый мне о чем-то толкует, важном, кажется, а я только улыбаюсь. Будто бы все кончилось, будто я уже победила, сгинули враги, а мы с моим белокурым одни на всем свете.

Потом опомнилась, конечно. Только не вся – зацепилась душа за скобу железную, что Эномаеву клетушку запирает. Зацепилась, порвалась... Эх, не ко времени вспоминать!

– Крикс говорит, что такое во всех школах. Всюду «ячменников» больше. Потому и не боятся римляне гладиаторам мечи в руки давать. «Ячменникам» лишь бы день лишний прожить, не станут они зря жизнью рисковать.

– Так их же что ни день – и режут! Чего же они?

Точно – Ресий, Рес Младший. Не понимает парень. Он не понимает – и я не слишком.

– Каждый на судьбу надеется, – гудит Ресу. – Человек – он скотина хитрая, все выжить норовит. А как выжить проще?

По течению плыть, вот как! Может, и не утонешь, может, еще побарахтаться дадут.

Вот и Носящий Браслет мне о таком говорил.

– Крикс понял, что гладиаторов на бунт не поднять. Не выйдет! Ни в Капуе не выйдет, ни в Пренесте, ни, понятно, в Риме. Он и его товарищи решили просто бежать, это не так и сложно, если с воли помочь. Но вот недавно в школе появился... другой.

Другой... Другой... Другой... Чужая ладонь, чужое дыхание, чужой взгляд.

– Он... Крикс говорит, что этот другой – особенный, не такой, как остальные. Не боится ничего. И верят ему. Он сумел многих уговорить и не на побег – на бунт. Но с Криксом договариваться не стал. Так и сказал: со мной – или без меня.

– А сам-то он за кого?

Хороший вопрос, Реса! В самое яблочко!

За кого – Крикс так и не узнал. Не за Италию. Не за Митридата даже. Против Рима? Ясно, что против, только против – мало, такое даже мне понятно. «Со мной – или без меня». Довериться? Доверить все: остаток народа, последнюю надежду, нашу Италию? Но кому?

– Так с ним и уговор заключить! Чего нам делить-то?

– Воевать все равно на нашей земле придется, куда он, гордый такой, денется?

– Сотня-другая гладиаторов – сила, конечно, но они – центурионы без войска. А войско – мы. Договоримся!..

Не все так просто, братья, не все так просто!

– Не все так просто, – проговорила вслух. – Крикс считает, что в таком деле сомнений быть не должно. И прежде всего – в вожде. Об этом гладиаторе он слышал, много слышал, и не он один. Но гладиатора с такой кличкой убили три года назад. И это точно. Убили!

...Как Эномая, как еще семерых. Но про них можно не говорить. Пока. Пока сама не разберусь.

– А... А может, его, Папия, и не убили вовсе? Крикс же сам не видел! Ранили, за мертвого приняли, слушок пошел.

Эномай мне так и объяснил – про себя самого. Тяжело ранили, вылечили, жрец-целитель вовремя подвернулся.

– Может, и так, Реса, но только Крикс прав. И госпожа Папия права. А вдруг его подослали, а? Смутьянов в школе Батиата найти, выявить – и на крест приколотить.

– Ты, Реса, и скажешь! Кто послал? Батиат, что ли? Очень нужно ему в собственной школе заговор создавать! А если братки без вождя начнут, а?

– Ну... Не понимаю тогда.

Вот и Носящий Браслет не понимает. И я тоже. Учителя бы спросить! Впрочем, нет. Сама справлюсь.

– Поэтому Крикс ему ничего не рассказывал. Ни о тех, кто в школе, ни о тех, кто на воле. Если предатель – погибнут все. Значит...

Задумалась, на бородачей, дыхание затаивших, поглядела. Почему бы и нет? С дурой крашеной, с сиятельной Фаби-

ей Фистулой, я не меньше рисковала. Рисковала – и рискую. А ради чего, если подумать?

– Значит, с этим, Другим, должен поговорить кто-то не из школы. Кто-то из наших. Кем бы он, Другой, ни был, у нас тоже есть что предложить. Надо поговорить – и договориться. И поговорю с ним я.

Думала, возразят. Надеялась даже.

– Смелая же ты, сестренка! Только скажи, как этого, гордого, кличут. Если что, мы его...

– Спартак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.